

Оставить

Аркадий Меньшенин

2024-02-26

Contents

Кто рано встаёт - тому бог даёт. Во как! Сам бог! Немыслимо и представить. Ладно ещё, если Нерон. Типа - тоже бог. Но это всё игра слов. А к сути. Встал-то я, может, и рано. Да долго раскачивался.

Никогда не обольщался кошачьей миловидностью. Тут вопрос только в возможности или её отсутствии растерзать что угодно. Ибо два вида существ лишь и есть в мире. Собаки и кошки. Для первых из которых принцип иерархии есть врождён. И другие, те, в коих утверждена тупость. Так как в искренно и бестолково твякающей сывке благородства больше, чем в сытой вальжной кошаре. О чём вы, конечно, не знали. Так как вы она и есть. Ну а я, соответственно, знал. Это надо читать с ленивым лицом. С недоумением. И с раздражением. (И м.б... потом, когда-нибудь потом - с тихой ненавистью? И лишь сейчас - усталым презрением?) Ах, да и хрен с ним. Когда я понял, что уровни не соприкасаются, я перестал волноваться.

б...

бургер кинг

банк

беру. ру

букинг

бо...

борницкий карьер

боль

борис

больница

бол...
боль
больница
большая
большой
боль...
больница
большая
большой
под левым ребром
больш...
большая
большой
больше
большие
больше...
чем
чем друг
большевиков
большеохтинский мост
больше с...
сюда не
стаффа
страсти мать
спасибо
больше св...
света магазин
света
своих
свободного времени
больше све...

света магазин

света

сведений

свежих

больше свет...

света магазин

света

сведений

свежих

больше света!

магазин

и тепла в июле

астрахань

больше света! п...

- - -

больше света! по...

получают растения

поэтому когда

поло седан

больше света! последние...

новости

больше света! последние с...

серии

больше света! последние сл...

слухи

больше света! последние слова...

????????????????????????????????????

больше света! последние слова Г...

????????????????????????????????????

больше света! последние слова Гё...

????????????????????????????????????

больше света! последние слова Гёт...

гёте

.

Вот и всё, что говорится, что нам нужно знать о мире. В котором так много магазинов света. Новостей, серий и слухов. А также большевиков и Большеохтинских мостов. Н-да.

Ещё боль под левым ребром. У старого большевика что-то закололо под левым ребром. Хотя причины были сугубо медицинскими.

Пишущая братия. Пышущая панибратия. Равно как и вся прочая пишущая пиздобратия. В сей рати ли я? Не лучшебь сети посрати? Каковое есть дело здоровое. Как впрочем и желание наблеть при виде книги с названием «Книга Времени. Семь монет антиквара.»

Их которых много таких. Или вот, допустим, подобный отдельный период:

«Сюзан Зонтаг - женщина, которой я восхищаюсь. Ее творческая деятельность настолько впечатляет, что кажется чем-то мифическим. Но когда начинаешь читать ее работы, они напоминают разговор со старшей сестрой. Биографию Зонтаг я планирую прочитать в летний отпуск, на веранде, сидя в кресле с чашечкой чая». С чашечкой чая? Гм. Изящно. Остроумно. Тонко. Весьма. С чашечкой чая. Уж тогда, что ли, сидя при этом на крепком хую. Что напоминало бы, в свою очередь, тёплый задушевный разговор со старшим братом. Ах, все мы мечтаем о настоящей единственной дружбе. И существенно важно при этом, чтоб она была скреплена подлинно близкими отношениями. Что я имею в виду, когда говорю о подлинно близких отношениях? А то не понятно! Покажите член! Ам избирательной комиссии член! Вот что такое близкие отношения! Прежде всего - с собственным разумом. (Который, прежде, чем твой - собственный. В конце-то концов.) Какую ценность имеет предмет, если он не один? Но когда его много? Равномерно уменьшающуюся на собственное количество. Как сказал расположивший вокруг себя красавцев поэт. Безнадёжна эта бесконечность. Хоть и обеспечена ей вечность. В самом деле, какой смысл имеет существование чего-то, неосознающего собственное существование? Пускай оно будет трижды вечным. Коли оно ничем от несуществования не отлично? Ну, значит, и вечность у него такая же! Равная невечности! Лишь видимость, снаружи обнаруживаемая! Ну, пустота есть. Ну, есть и заполненная пустота. Но не непустотой

заполнена она. А лишь более плотной пустотой. Видимостью. Для того, кто способен видеть. А сама по себе она ни на что не способна. Как может быть способно на что-то то, чего нет? Существование чего обеспечено лишь наличием у него имени? Никак. В отличие, кстати, от бога, который, напротив, совершенно один. Настолько, что у него и имени нет. Хоть сам он и имеет бесконечную ценность. От которой, впрочем, ему ни жарко ни холодно. Но этот вопрос мы рассмотрим позже. Как любят говорить научные писатели. Короче! Положивши в жопу огурцы сразу станете вы молодцы! Именно только так это всё и надо понимать. Высоки берега корыта довольства малым. И, увы, не в теле, но в духе. Как сказал Аристотель. Ах. Простым людям недоступны сложные радости. Для сложных же нету простых. Я брякну тут одну истину. Совы не то, чем они кажутся. (На самом деле они снегири.) Просто - не примитивное. Но смыслообразное. Совсем независимо от уровня его технической сложности. Каковая сложна лишь для жизнеподобий с напрочь отсутствующим пониманием смыслообразности. И очень проста для тех, для кого невозможна помойная красота. Что есть помойная красота? Помойная красота есть то здоровое, экологичное и позитивное, что в любую историческую эпоху наполняет жизни ей сопричастных людей. Снабжённых двумя (-мя, 2) неизменными атрибутами. Они хорошо пахнут снаружи и плохо внутри. Нет-нет, полагаю, внутренности у них пахнут неплохо! Ну, лично я дальше ближайших не пробовал. Нюхать. А вы что подумали. Тем более в любую историческую эпоху. Эх. Если б дело было во внутренностях! Да на уровне внутренностей-то всё можно понять и простить! Посмотрите на это облако. Что вы видите перед собою? Правильно. Кирпич. Кстати. На злобу дня. Буду впускать сюда потихоньку и злобу дня. Потихохоньку. Хотя для меня сие и неслыханно. Но! Это ж надо тоже! Суметь уразуметь! Главное-то ведь здесь не какой-то, так сказать, конечный день! А его бесконечная злоба! Ефремов. Какой праздник лев подарил шакалам! Хотя, по большому счёту, может, не такой уж и лев. (Как расшаркался - то уж теперь, точно, не лев. То есть, лев-то он лев... Такой... театральный. Вот, кстати, вопрос: театральный лев - это больше лев или больше театральный?!) Но зато какие шакалы! Прямо-таки расписные! И твякают и воют и скулят и рычат и визжат и плачут! И трусят, и скачут. Сущее загляденье! Такой переполох, право! Лев в яму упал! Дотравим да сожрём! Да. Попроще надо быть. Иной раз. Полагаю, от меня не убудет. С другой стороны, как обрести слабому существу утешение в этом мире, где найти спасение от своей слабости. Только в толпе. Только в банальности. И они туда и не приходят, потому что они оттуда и не уходят. Все

твои дела рушились, дорогой мой, оттого, что ты себя много уговаривал, что хорошо то, что плохо. Потому что, допустим, какую-либо козу или рыбу не без удовольствия для себя выебать - так это далеко не то же, как если без удовольствия для какой-нибудь птицы или овцы - ей о том рассказать. Вполне понятно, казалось бы, что как первое не нуждается в оправданиях, так и для второго нет оправданий. Но ты - поступал наоборот, 2. и козы - тоже не дёр! В чём со стыдом и должен признаться. Ведь понятно, что для каждого худо-бедно приличного человека всякое мало-мальски им не выебанное живое существо - вечный позор! И даже не живое. (Не из состава людей, так как многие мерзки.) Но почему ты себя всегда убалтывал в том, что можно разбавлять спирт водой! Добавляя туда, в том числе, ничего не значащие факты так называемой жизни. Которые незначимы - все. Как, впрочем, и любая, ими наполненная, так называемая жизнь. То есть, её конкретная форма. Ведь её любая конкретная форма - в высшей степени неконкретна. Так как непонятно, почему она такая, а не иная. И значимо, таким образом, в ней только то конкретное, что сквозь неё прорастает. А не она как таковая со всеми своими случайными дурацкими фактами. Фокусами и фикусами. Да ещё, к тому же, без всякого, как правило, результата. Кроме конечного усугубления в смертный уксус. Из того, уже и изначально разбавленного.., и не спирта даже, а лишь так.., где-то чуть остренького, где-то чуть сладенького, где-то чуть кисленького, где-то чуть пряненького.., и, почти в любом случае, значительно дрянненького, тухленького вина. Когда ты начинаешь думать, что тебе надо писать, ты заканчиваешь думать, а вместе с тем и писать. Потому что фиксация результата - не результат. Как принято думать. Результат - нахождение и утверждение условий, при которых новое неизбежно. На свете не много умных людей. Хотя дураки и говорят, что это не так. Ну, так и что же теперь? Вешаться? Посередь такого количества умных людей? От того, что они говорят? Но добравшихся до нового ещё меньше. Холодный и порывистый северный ветер, внезапно ворвавшийся в только присевшую (в только успевшую стать присевшей) летнюю жару, дул целый день, и под утро следующего - небо было сплошь усеяно бесчисленными мелкими облаками, которые он нарвал, нащипал, настругал из нескольких, слепяще-белоснежных вчерашних. Эти - были далеко не столь прекрасны, а скорей сероваты, аляповаты, неряшливы, но зато их было много. Их было очень много. Итак. Новое - есть под солнцем. И я не об облаках. Но, как известно, только хорошо просравшийся человек имеет право на звание человека. А просраться таким способом можно не иначе как содружественно со всем мыслящим человечеством. И вот только

подобному человеку и открываются скрытые до поры идеи о наличии или отсутствии под солнцем того или иного. А не дряхлому балбесу, считающему, что уж кто-кто, а он-то точно сидит в конце всех времён. Ёб твою мать! Какая хуйня! Так считает всякая обезьяна! Причём, попрошу понять, я глубоко уважаю товарища Давида. Просто, царь в нём несколько не на тех путях страдал. А на совершенно, кстати, обратных. На тех, где, можно сказать (если попытаться быть остроумным), особо-то и не ищут. Рыщут, скорее: меж красивыми и глухими печальными констатациями с одной стороны, и нудными бабьими экзальтациями (Не виноватая я. Он сам пришёл. В суде неправедных не сидел. [Хотя и сидел! Хотя и виноватая!]) - с другой. Поставим ли сие ему в вину? А ещё лучше, скажем так. Делал! новое. (Повествуя о старом.) Но не ведал о том! Так будем же - и делать, и ведать! Мы - дети солнца! Ну и так далее. Был же, в конце-концов, не менее одарённый товарищ, который говорил се, мол, а, допустим не сё. То да сё. Се, се! И даже се-се. Творю всё новое, се! А старое - на хуй! Как с ним не согласиться! Новое всегда лучше старого. Да и старое-то всегда было новым. Если оно было - свежести подлинность. А не тухлости подлость. От физического это всё вполне безразлично. Я хотел сказать независимо. Но так приятно лепить горбатого! - С праздничком! - И не говори... В погоне за мгновенной славой надел он пышны галуны и перед пропастью кровавой раскинул счастья шатры. Так. Теперь надо вспомнить, что такое галуны. Ну ладно, что-то более-менее. Но тогда уже лучше будет наверно так. В погоне за мгновенной славой надел он пышны эполеты и перед пропастью кровавой поджарил вкусные котлеты. Блядь. Теперь рифма есть смысла нет. Заслуженной увенчан славой надел он строги позументы и перед пропастью кровавой припомнил грустные моменты. Лучше. Но. Не чая никакой уж славы, регалии он снял с себя, в виду же пропасти кровавой вдруг вспомнил всяки ебеня. Нет нет нет. Так! В предчаяньи надвечной славы надел он на хуй шар земной и кончил пропастью кровавой о боже мой о боже мой. О боже мой я - боже твой! О боже мой я - боже свой! А не митрополита московского со паствою его. И не наместника римского со паствою его. И не паствы обоих без предстоятелей их. И не предстоятелей тако ж без паств. Вот. Так-то будет получше пожалуй. На конец. Это опечатка. А что это там у тебя, кстати, при этом, на краю залупы, за неё уцепившись, болтается? А. Какие-то всё пумпы да тратины. Как самые привычные зацепиться. Понятно. Ясно. Ну, что поделать. Пока не смыло придётся терпеть. Сие и означает: бог терпел! Но вам он не велел ничего. Я пишу-то об вещах простых. Я не Визенгрунд б Адорно. Однако ему бы, бы хотелось думать, понравилось. В

отличие от РЕЗИДЕНТОВ комедиклаб. И иже. Ибо они и есть те, которым бог не велел. Потому что они гопники. Они гопники. Они гопнички. Имя им легионНН. И убить их нельзя, и помиловать тоже. Ничего с ними сделать нельзя. Только кануть можно вместе с ними. И такими ж, как они. И не иначе, как будучи точно такими ж. Как упала, в самом деле, репутация профессии скомороха! Как оскоморошилась! Петросян. Да Петросян - Гомер в сравнении с вами! Эсхил, Шекспир и Шопенгауер! В нём есть человечность! При наличии которой даже не надо много ума. И уж по крайней мере наличного количества которого достаточно, чтоб человечность небесталанно отыграть. В худшем случае. В вас же, мелких бесах - лишь жужжащий компост. Ну ладно. Нельзя мне волноваться. Начнут ещё, пожалуй, доискиваться, чем меня обидели. Фактом своего существования, что непонятно. Потому что мерзостно видеть, как уровень человека от такового мухи не отличен ничем. О чём и детектируют: общие с мухой темы и общий уровень тем. И при этом, можно подумать, что за сценой они иные! Ох! Да как бы ещё не более чем такие! Иначе б и на сцене быть такими не могли. Какими единственно только и могут быть. Разве муха за сценой чем-то отлична от таковой в самом средоточии её праздника жизни, в кишасей дыре сортира? Как видит читатель для меня нет достаточно низких тем. (Вброс номер 2.) Лишь только жалко бедный буквальный сортир! Нет, в самом деле, уж лучше тогда другая крайность, какой-нибудь Finnegans Wake, до понимания степени адекватности которого никогда не доберёшься, чем это развесёлое говно, из которого никуда не шагнёшь. Тоже в принципе ничего хорошего. Но всё же. Было ведь время, когда он от мыслей не уходил в сторону чесоточного сладострастия: самозабвенного самоуслаждения булькающими, вращающимися и верещащими (в сотнях сотен отзвонков, сочетаний и перекличек) звуками, языками и смыслами бесплодного, бессмысленного и напрочь истошающего и обессмысливающего душу остроспецифического эстетического онанизма. «Попусту, да к тому же и раздражающе было бы, вопреки собственной бесстрастной уверенности, пытаться утверждать, что заповедь любви нам велит возлюбить нашего ближнего не с тою же силою любви как самого себя, а всего лишь любовью того же самого рода, как любовь к самому себе.» Ведь были же у человека кой-какие мысли! И даже не просто кой-какие, а даже хуй поймёшь какие! Потому, что на самом деле ведь и вовсе не надо любить ближнего! И не так, и не этак. Либо, то есть, тем же родом любви, либо с тою же силой. Потому что главное здесь не род и не вид и не тип любви, если она такая же, как и к себе., и не сила или бессилье так же, как и себя, любить или ненавидеть. Главное здесь: самого себя, к самому

себе. Потому что это - точно не главное. Иначе бы все младенцы были совершенные мудрецы. Но надо сначала истину полюбить, ту, самую, которой нет, которая относительна, и которая: что есть истина?. И, в соответствии с этим, любовь к себе поумерить. А значит, и к ближнему. Потому что чем этот ближний, который так же как и ты себя любит, вне всякого при этом отношения к истине, лучше тебя? Он просто такой же как ты. То есть, вне отношения к истине - никакой. Да. Полюби ближнего как самого себя. Но если ты немного честный и чуть-чуть умный человек, то должен понимать, что подобного рода любовь (вне отношения к истине), это лишь любовь животная. И не более. А стало быть, ты должен ближнего и вообще не любить. Так как и себя тебе любить не за что. Ведь ты человек. А живёшь как животное. Тогда полностью принимай статус животного и люби таких же животных сколько тебе влезет. В принципе, так эта любовь здесь и осуществляется. Только все эти обстоятельства не оговариваются. Потому что не осмысляются. Да, конечно. Всё, что вам нужно, это любовь. Нужно. Потому что у вас её нет. Потому что то, что вы называете любовью, это не любовь. Это - не человеческая любовь. Потому что и вы-то - не люди. Вот это истина. Я разбил тебе губу, я ебал твою жену, а теперь я посвящаю тебе книгу! Мой единственный и мёртвый друг! И это не всё, что между нами. И это не главное. Я больше никогда не буду ничего объяснять. Я буду только констатировать. Вообще, я буду констатировать. « - Искусство, - сказал Стивен, - это организация человеком вещей чувственных или интеллигибельных с эстетической целью.» Искусство - это средство познания. Что это за цель такая - эстетическая цель? Это в песочнице лопаточкой обхлопать пирожок. Эстетика это тело. Но дело не в пирожке. А в том, что за пирожком. Организация вещей. Для чего? Роман Джойса почти ни о чём. И не надо кричать, что это «почти» - тот слон, которого надо суметь приметить. Почти, это «да» в конце романа. Почти, это сам роман, без которого это «да» не сумело бы прозвучать. Слон - это «да». Он был замечен. Чтобы достичь сильного впечатления надо на тусклом фоне поставить яркую точку. Вконец измотать балагурством, чтоб подспудная правда взреяла высоко. Но надо, чтоб ей и не было нужды откуда-то там выныривать. А просто-напросто была предоставлена возможность беспошлинно реять. И, чтоб она стала навсегда неподспудной, надо освободить её от всякой рабской зависимости от себе довлеющих деталей, условий, хитростей, вещей. Что это за абсолютное преобладание формы над содержанием? Что это за форма, которая и есть содержание? Где, кроме песочницы, такое возможно? Пруст и Джойс сидели за одним столом. И не разговаривали.

Им не о чем было разговаривать. Возьму на себя смелость предположить, что причина, по которой двум крупным фигурам и вообще-то не о чем говорить, была тут и вовсе даже не первой среди причин. Но была первой та, что среди крупных фигур есть те, которым доподлинно ведомы некоторые весьма стрёмные, а потому старательно, за внешними эффектными нагромождениями, укрываемые обстоятельства. (Очевидные, как голый король, лишь для тех, кто способен видеть сквозь сами нагромождения.) 2. И те, которые об этих обстоятельствах с большим опасением инстинктивно осведомлены. Инстинкт, однако, верно направляет их лишь в подобных осторожных аспектах. В вопросах же искусства - в полной мере руководствует руководство. О, мой великий русский язык! В дни горестных сомнений не ты ли был мне вазелином! Чтоб проскользнуть сквозь этих сомнений да выскользнуть! Онанизм! Ну почему ты не можешь быть полноценной формой половой жизни! Ведь для того, кто предпочитает тебя, ты - несравненное наслаждение! Но может быть в том здесь дело, что ты даришь наслаждение лишь одному человеку? А полноценная половая жизнь предполагает наличие как минимум трёх? И к этому - вопрос: велика ли заслуга научиться торчать? Причём: от чего попало? Но можешь ли ты при этом заставить испытать соответствующие или хотя бы приблизительные эмоции тех, кто тебя и знать не желает! Я вот желаю, а ты и мне не в силах это удовольствие обеспечить! И что ж не помогли тебе здесь, Джеймс Алоизиус Джойс, все твои языки! Не потому!, что если б я их знал и у меня было терпение распутывать «с эстетической целью» напутанное, я тобою проникся! А потому, что даже и одного языка, а по сути дела - и это не обязательно, достаточно, чтоб сообщить что-то, что должно быть сообщено. Но не это: «Он выпил до капли третью чашку жидкого чая и, глядя в темную гущу на дне банки, стал грызть валявшиеся поблизости корки поджаренного хлеба. В желтоватой гуще была лунка, словно промоина в болоте, и лужица на ее дне вызвала в его памяти темную, торфяного цвета воду в ванне Клонгоуза.» Какой всё же таки ты, брат, несравненный мудака! Истинное мудило! Истинно, истинно говорю вам, Джеймс Джойс - великий мудака! А кто не верит - мудака такой же. Гордитесь же встать рядом с вашим кумиром! В едином строю снобов и полиглотов! Ура! Ура, господа-товарищи, каждый от своего кончающие! Ура! Так и надо жить! Чтоб вы все сдохли вместе с вашим Джойсом. Вот когда вы поймёте, что подлинная культура это клип «Все в зале!» без цензуры - вы и уразумеете этот простой факт. Что лучше бы вам привязать себе мельничный жернов на шею. Чем обидеть одного из малых сих. Эх. Далекое не сразу мне также открылось, что среди лётчиков говнюков не меньше,

чем среди прочих категорий героев. А лишь только лет через 45. И даже далеко не в связи с каким-либо конкретным случаем. Это конечно. Но лишь в результате некоторого отстранённого внимания. Которое, до очень долгой поры не могло быть даже и близко сосредоточено на чём-то определённом. Да и сейчас не может. Потому что очень много в нас человеческого. И ещё потому, что сколько его не сосредоточивай - герой героем быть не перестанет. И не потому, что он лётчик. А потому, что он герой. То есть. Надо быть сначала героем, а потом лётчиком. Но не наоборот. И если, в конечном итоге, ты как герой состоялся, то буквальным лётчиком тебе уже быть и не обязательно. Ты и так уже лётчик. А что касается деятельности властей, вдалбливающих в головы своих подданных некоторые противоположные идеи, то скажу так. Не надо по умолчанию отождествлять себя с достойными наследниками славных героев. Имеющими, в силу этой, якобы априорности, право и обязанность за них предстательствовать. Пряча, всего лишь навсего, подобным весёлым способом своё говно под святыми хоругвями. И чем больше говна, тем пышнее хоругви. Поверьте, на самом деле они бы вам всё ваше хитрое ебало раскрошили. В ту самую труху, которая и есть полная суть ваших душ. Чтоб образовалась гармония. Между внешним и внутренним. Прости меня, боже, за предположение, что у вурдалаков есть души. Да нет уже тех ветеранов. И некому вам ответить. Можно, стало быть, пользоваться ими. Мало вам того, что они были... герои не герои... (зачастую, вынужденные герои), однако, в любом случае: страсотерпцы, коих в неэкстремальной повседневности мало... Так вам надо их ещё во всю свою дрянь замазать. И склепной вонью яхт, размером с Монте-Карло, пропитать. Эх... Некрасиво (потому что примитивно), господа. Ну а зачем вам нужно, в самом деле быть способными на изошрённое злодейство. Даже если вы и были бы на него способны. Тому материалу, с которым работаете, вполне достаточно и подобной дуболомной завесы. Против западных же стран, которым недостаточно, есть смертоносные ракеты. Главное ведь здесь не страны, а чтоб стадо не разбежалось. Денег много не бывает. И для сего - вынимаем хоругви. И бесперебойно поставляем в продуктовые маркеты картошку и маргарин. Вот до чего вы меня довели. Что я даже о ваших делах заговорил. Эх, где ты мой замок из хрустального стекла. Гори оно всё не сгорая. Когда я был юн, мне казалось. Что за каждым окном волшебная жизнь. Два усатых мускулистых гомосексуалиста (один из которых чисто случайно оказался моим мужем) осквернили, говорит, наше священное брачное ложе! Уверяю вас, если вы постираете ваше брачное ложе нашей новой Лаской М - даже следа от тех гомосексуалистов не

останется! И ваше ложе вновь засияет первозданной чистотой! Людям слишком много рассказывали о том, какие они хорошие. То есть, обращались с ними, как с малыми детьми. Вот они и продолжают ими оставаться. Причём, будучи, на самом деле, детьми плохими. Потому что большинство детей плохие. Как и людей. Даже Иисус, морщился, а этот вопрос предпочитал лишней раз не тревожить. Потому что слишком мало в вас хорошего. Как и в ваших детях. А и то, что есть - не ваше. Но случая. Сытого обеда. Приятного настроения. От похода в церковь. Или бордель. И бордель. Но не к самому себе. Что можно было бы, кстати, вполне благополучно совмещать с любым из вышеназванных походов. Но вы не умеете. А умеете ходить только туда. Эх. Всё хорошее, что в вас есть, это то, чем вы сыты. А сыты вы говном. Потому что вы ссыте. Даже в сексе видя только секс. Пустите! сих приходите ко мне. Ибо сейчас их природа начнёт от них отвращаться. И именно поэтому - пустите сих приходите ко мне! Я хочу посмотреть на некоторых маленьких людей. Потому что это единственные, пусть и временные, люди. За теми исключениями, которые погоды не делают. А в вашей транскрипции - только ещё её портят. Как я. И такие как я. Потому что не сообщал ли вам ещё великий певец демократии Уолт Сидоров: я из тех же, блядь, атомов, что и вы. И поэтому имею право говорить, а вы должны слушать. Потому что ваши атомы ещё не поумнели, вот почему. Да вы и тогда не слушали. А если что и понимали, так что хотели понимать. А когда понимаешь, что хочешь понимать, по-прежнему ничего не понимаешь. Так как это не жизнеспасительно. А жизнеспасительно то, что понимать больно и невозможно. Больно рождаться и некомфортно, а жить потом хорошо. Как и умирать - страшно и неудобно. Ведь когда младенец рождается, он не знает, что его ждёт. Это умирающему кажется: он понимает, что происходит. На самом же деле только тот, кто понимает, что он **уже** живёт в сказке, что он - это слегка, то есть несколько, то есть абсолютно - не он, и именно от этого его, который ещё не он, и зависит сделать эту сказку былью - и есть тот, который что-то более-менее понимает. Причём, сначала сделать плохую сказку хорошей и лишь потом воплотить её в быль. А не наоборот, как здесь принято. Хорошую - плохой - и в говно. Эх, господа-товарищи! Ебать вас всех в сраку! Завтра от неё ничего не останется. О человек! Что ведомо тебе, кстати, о сути веры? Когда тебе и о сути жопы-то своей ничего не ведомо! А уж моей - тем более. То есть, тем менее. Да и чьей бы-то ни было-то в конце-то в неё вводимых концов! Проблема не в том, что умных мало, а в том, что глупые тоже считают себя умными. Мысль очевидная, но не выкристализовавшаяся неподконтрольно и взревшая

спонтанно - изнутри меня, что для меня - единственное неотчуждаемое условие меня, а мною только что вычитанная из какого-то комментария к какой-то хуйне. Однако настолько прозрачная в своей неопровержимости и словно решающая некие далёкие и ещё не видимые отсюда задачи, что я и решил привести её здесь. Правильная история: пускаешься в поход за славой, а в процессе становится настолько интересно, что забываешь - как сюда попал. Неправильная история: мечтаешь, всего лишь навсего, поудобней в жизни устроиться, а становишься президентом. Считающим себя умным. И входящим в главную башню страны белым цирковым конём. Вылупившимся из тёмной колхозной лошади. Да, воля нужна конечно, чтоб сначала ходить в спортзал и обливаться холодной водой. Она у всех бактерий тоже есть, которые ресничками и жгутиками отталкиваются. За что я вас не люблю, церковники, так это за то, что вы вбиваете силы (честные (то есть, опять же, глупые) из вас) в массу, которую хуй подыметь. Хуй подыметь, а массу нет. И лучше б вы уж тогда подымали хуй. То есть, доставляли массе удовольствие более, что ли, каким-то для неё буквальным, ощутимым (так сказать) способом. Даже не говоря о том: насколько более утешающим! (Ибо лишь утешающее утешает!) Вдруг да объявив сие священным. Сделав причастием. На разный, причём, лад. В перёд там, в зад. Старушки там, старички. Молодушки. Братки. Братушки. Ветераны. Наркоманы. Брачующиеся. И все прочие, сколь их не есть, вокруг вас кучкующиеся. «Окормляемые»! Так назывались груздями - марш бегом в кузов! Кормите по-настоящему! Не фиг филонить! Что вы между собой всё только ебётесь. Паству надо шире привлекать! Потому что, по сути-то дела, это и есть ведь священное. И уж по крайней мере бесконечно более осмысленное, чем все ваши завывания, коих вы и сами не понимаете. Куда уж массам. А там бы ваши движения, напротив, оказались уместны. Органичны и естественны. Или уж вы тогда, при сохранении прежнего скучного порядка, именовались что ли гипнотерапевтами? То, чем я горжусь, нормальный мужик бы ведь должен стыдиться. Пи са тель. Что это за профессия такая? Что ли пидарас? Как сказала мне тут на днях моя любимая. Что ты всё пишешь да пишешь. Лучше бы на тракторе корнеплоды пахал. Вон крыльцо прохудилось. Ах ты милая ты моя любимая. Сколько вас на свете милых любимых. Но вот если положила руку на трамвайный билет в нагрудном кармане. И как перед богом! Я бы лучше жил с шимпанзе! Интересная штука, да? В любви признаются, а в дружбе - нет. Подразумевается тем самым меньшая сила чувств в дружбе и статус её вообще, близость внутри неё, интимность, как говорится: друзей в жопу не ебут. А напрасно! То есть, любовь это что-то, что надо

с надрывом изъяснять! А дружбу не надо! Вот поэтому я и говорю. Пока все друзья не начнут друг с другом в жопу ебаться - и никакой дружбы у них не получится! Так. Одна скупая слеза. А не привольно текущие слёзы. Какие ещё молитвы вам нужны. Когда уже всё здесь, в человеке. Которого ещё нет. А случаются лишь иногда которые действительно только в жопу-то и ебутся. И ничего более. А это ещё менее, чем не ебаться вообще никуда. В общем, человек! Если ты ебёшься в жопу - не мни, что один этот факт возносит тебя над сонмом тех, которые подобному чужды! Может быть ты, всего лишь навсего, и действительно - только пидарас! И ничего более. Н-да. Но когда я понял, что такие затёртые и пошлые словосочетания, как «звёздное небо надо мной» и «нравственный закон во мне» значительно проигрывают в моих сочинениях высоким и в ещё высшей степени оригинальным определениям как «хуй» и «жопа» по количеству их не всуе употреблений - мне и открылась последняя истина! Люди! Будьте счастливы! И ебитесь в жопу! Видится не уто мимомумоемуинеутоляемому взору и такая картина. Высоко взлетающий в рассветный воздух луговых окрестностей непраздный презерватив. Абсолютно случайно приземляющийся при этом не в пышные травы, ещё, впрочем, не успевшие (как сказано не нами, но лучшими, чем мы) от росы серебряной согнуться, а, сквозь вентиляционный люк неторопливо проезжающего по просёлочной дороге автобуса - вот в сам-то этот собственно и автобус. Высоко же он взлетел, подумалось мне. Да и автобус-то ведь был не простой. А забытый под завязку сельскими и городскими дамами. Которые ехали... хм, куда б это они могли ехать в столь ранний час? Ну, допустим, на сенокос. Штоб накосить себе там чего-нибудь по росе. Ни свет ни заря. А городские там откуда? Для полноты назревающей картины ёб вашу мать! Неуж непонятно! Ну и тупой пошёл читатель! Всё-то ему поясни да разъясни да обоснуй. Да обеспечь правдоподобие. Фу. Сказано - городские - значит ехали. Ну так вот. Возвращаюсь к прерванному твоими, дорогой читатель, крохоборными претензиями, упоительному рассказу. И вот как бы по-вашему должна была выглядеть дальнейшая картина если б мы жили действительно в наилучшем из возможных миров? Вот то-то и оно! На этом рассказ закончен. Коль пренебречь описанием. Не ко е Го лакокраса. Палеха-Палеха. Силы яркой красы. Медленно тающей: мельтешеньем вил, граблей и кос, дамских сумочек, а также лакированных ухоженных ногтей, раздирающих и кромсающих всё и вся вокруг себя в попытках добраться до вожденной субстанции. Раскачивающимся и в конце-концов переворачивающимся автобусом. Так же, как и раскачивающимся (хотя и вовсе никуда не переворачивающимся)

на своём соломенном кресле-качалке усталым интеллигентом в пенсне, одобрительным взглядом сопровождающим происходящее. На коленях коего блокнот. А на столике рядом с коленями - вермут. Помню как в месте под названием кокайты впервые увидел я на рассвете тонкую неровную едва угадываемую розовую линию далеко в небе. Рядом находясь с закопчёнными вертолётами под названием ми б. Облака ? подумал я. Вершины гор ! ответило прозренью. Этого не может быть! Это должно выглядеть как-то иначе. Разве может ЭТО - быть земля? Разве может земля быть на небе? Ведь до этих вершин, если это они, расстояния дни и дни. Что же это они прямо в космос упираются что ли? Так думал молодой солдат. Перед погрузкою на борт. Чему был необычно рад. И чем был чрезвычайно горд. Даже и не понимая, что эти горы - холмы перед Джомолунгмой. Но до неё было далеко. А Афганистан рядом. К тому же, когда я слышу слово рецепция я не успеваю даже схватиться за револьвер. Потому что сразу блюю. Да, есть какие-то такие особенные, задушевные слова. Как и их из себя извлекающие люди. Наиконкретнейшие господа с наиестественнейшими жестами плюс должной особостью в них; в перчатках, пересыпанных тальком, по очереди щупающих ими. В том числе - живое. В отличие от себя самих. Потому что только это они не щупают. Скажу более, достаточно мне увидеть в тексте единожды это умное слово (или даже какое-нибудь другое умное слово), чтобы сразу же сделать вывод: автор либо говнюк, либо дурак. Либо и то и другое. Потому что если он не дурак, зачем же ему говнюком становиться! А если он, якобы, просто говнюк, то как сумел миновать стадию дурака? Вывод: самостийных говнюков не бывает. В отличие от дураков. Вот такая экспликация. И экстраполяция. И ресентимент. Потому что всё намного проще, друзья мои. Либо у вас есть слух и глаз - либо у вас есть рецепция. В дни сомнений не ты ль была мне спасеньем мысль что подлинное нелинейно. И безумие в глазах мира. Зато неподлинное последовательно. Отпусти свою голову. Пускай гуляет где хочет. Она найдёт себе щель. И просочится куда надо. В мире правильных истин она найдёт неправильные истины и поймёт, что правильные истины не истинны, а неправильные правильны. И возрадуется. Своему одинокому счастью. Сердце ты давно отпустил. Сердце - это такое место между желудком и левым плечом. И что-то там за левым плечом. Чаще всего литература. Вспоминая своё голосраное детство я не могу не отметить одно любопытное обстоятельство. Людям, которые поспешно созрели я был не интересен, так как не успел сложиться в мало-мальски артикулированную личность. В то же время они оказались в конечном итоге подобны женщинам, которые вызревают

к тринадцати и дальше с ними ничего не происходит. Ну, или даже просто: и были этими самыми женщинами. Так сказать, по совместительству. И мне подумалось в связи с этим: не является ли раннее созревание (которое тем короче, чем примитивней организм) большой или даже вообще непреодолимой препоной на пути к тому, чтобы стать чем-то, чем имеет единственный смысл стать? А именно тем, чем стать необходимо в соответствии с предначертанностью для подобного становления? И без чего лучше не появляться на свет в качестве, пардон, количестве человека? Которому суждено всю дальнейшую так сказать жизнь реализовывать себя лишь в образе и подобию биологического существа? Кто вообще быстро созревает? Тот, которому не суждено многое. Тот, которому всё понятно. Почему? Вот почему: посмотри на берёзу. Камень. Женщину. Разве им что-нибудь непонятно? Им всё понятно. Вот поэтому. В то время как для того, чтобы всё стало понятно надо мало-мало времени. Заполненного, кстати, чем-то отличным от переполаскивания портянок в пустоте и пересвистывания хрен с знает с чем по ветвям. Весёлого леса по имени жизнь. Жизнь-то бывает разной. Потому что внешнее многообразие с разными: степенью интенсивности и способами шевелящихся существ называется этим словом. А не потому что всё это есть она. Жизнь. Гениальность. Соразмерность. И пропорциональность. Причём, сколь угодно неказистая снаружи. Ах. Лишь была бы добрая внутри. Это же никакого значения не имеет. Конечно, конечно, ей не обязательно быть уродливой. Это не строгое условие. Иногда она и внешне хороша. Даже, скажу более: чаще всего так и есть. Лишь не кукольной красотой. Не красотой улитки. Или креветки. Ильльва. Вот, скорее, может быть, тихходки? Как хорошо, что ты у меня есть. Как хорошо, что у меня есть что-то из чуждого мне мира безмыслия. Та его часть, которая меня принимает. Не понимая, что если бы поняла, то и не приняла. Бы. Будучи не в состоянии переварить понимание. Не понимая, что принимает то, что есть благодаря ТОМУ (и, стало быть, ТО), без чего его нет и что она не может принять. Потому что не может понять. Потому что не может понять. Потому что не хочет. Это сильнее, чем не мочь. Верхушку айсберга видит, и ладно. Она думает, эта верхушка сама по себе плавает. Это не парафраз школьной глупости: принял, но не понял. Не пародия. И не ребус. Это то, что поймёт тот, кто по эту сторону, но не ту. Кто по сторону смысла поймёт это. Для которого у нас есть мы. А для выживания в мире без смысла - у нас есть они. Как часть этого мира. И необходимая прививка от него. И я бы сказал так, что это это наверно самая осмысленная часть бессмысленности. Коль имеет тяготение к осмысленности, не уставая при этом её отрицать. Мне не нравится, что я несколько ранее написал. Но

это всё равно намного лучше того, что вы могли бы написать. Поэтому, ничего не исправляя пр одолжаю. Ваш прогресс - экспоненциальное безумие. Вы не знаете, зачем делаете это. Потому что вообще ничего не знаете. Кроме мощного ощущения, что должны мягче спать. И слаще срать, само собой. Одновременно перемещаясь в пространстве (которое, на самом деле, всё более от вас отдаляется) как можно быстрее. И как можно комфортней! Всё должно быть предельно комфортно. Всё должно быть чудовищно комфортно! Вам, прежде всего, должно быть окончательно и бесповоротно комфортно в мире, в котором нет места ничему, кроме вашего прогресса. Сущность которого в том, что в конце него останется один он, а вас совсем не останется. Даже в виде тех обезьян, которыми вы являетесь. Однажды выучившихся, каким-то чудом, писать и считать. И с тех пор пишущих всякую хуйню и что-то там себе, так сказать, считающих. Непонятно зачем. И мечтающих, чтоб даже это за них начали делать машины. А они бы только спали жрали, ебались и «развлекались». Вот это вы хотите делать лично. Как то и свойственно любым нормальным обезьянам. Но не мыслить и страдать. Чтоб, в процессе, добраться до мысли, что и страдать-то, оказывается, вовсе не обязательно! Если подлинно мыслить. А не симулировать процесс. Для начала - просто некогда. Тут к месту будет народная поговорка. Которую я только что сочинил. (За авторство буду сражаться до последних жабр!) Кто делом занят тому некогда хуйнёй страдать. А поскольку почти всё из-за чего вы страдаете - хуйня, то можно нырнуть чуть глубже: кто делом занят тому некогда страдать. 1-ое. И 2-е, как предельная артикуляция 1-ого: кто делом занят у того нет поводов страдать! Ведь он занят тем, что находится в соответствии с его изначальной природой. А страдание это естественная реакция на противоестественное существование. Вся беда, следовательно, лишь в том, что никто из вас не занят делом. Но - в лучшем (он же и худший) случае - лишь его имитацией. Итак. Для начала - некогда. Ну а потом - как некоторый неостановимый итог. У вас же - вместо искусства мода, вместо достоинства поза, вместо естественности вымученность, вместо органичности вычурность, вместо доброты ограниченность, вместо мудрости хитрость, вместо искренности подлость, вместо свежести пошлость, вместо гордости дикость, вместо тайны безликость, вместо реальности виртуальность, вместо гениальности банальность. Короче говоря, вместо культуры физкультура. И всё это дружно идёт в одно место. В котором, вместо вечного и самодостаточного сейчас - ежесекундно толкающееся у его ворот бессмысленное и никогда не наступающее завтра. Вот оно. Это место. Которого нет нигде и никогда не было. И

не будет. Но во имя которого, мимоходом верша гекатомбы бессмысленных жертв, вы переворачиваете горы столь милой вашим так сказать сердцам ерунды. Заменяя вчерашнюю завтрашней, а завтрашнюю позавчерашней. И только из сегодняшнего с вами одна глупость. Мои маленькие лесные друзья. Есть преданье святое, что нету похожих людей! Что любой человек и прекрасен, и своеобразен! Лишь поглубже копни, и на месте бездарных блядей Ты увидишь святых, рядом с коими сам безобразен! Исповедовал всё это якобы сам Иисус, В исполнении артиста, талант чей небезызвестен... Отчего ж этих яств для меня столь сомнителен вкус? Потому что ты мне лягушку хоть всю сахаром облепи, всё равно я её есть не стану! Потому что ничего нет среди ваших представлений такого, что порадовало бы меня хотя бы самым приблизительным совпадением с их предметами даже при самом незначительном приближении к реальности этих предметов. Но это не значит, что сама реальность сурова. Она весьма доброжелательна к тому, кто искренне трудится с надеждой на единственное вознаграждение: да погибнет мир, но воссияет истина! И не наоборот! Как хотелось бы тем, которые знают, что конец мира - для них - конец всего. Потому что они плоть от плоти и кровь от крови этого мира! Т.е., гниль его и сукровица. Несмотря на все свои розовые платяца. И пальтеца. С выглядывающими оттудова лукавыми мордочками. Ах, как красив себе кажется зайчик румяный! Прётся нешутошно што от себя самого. Я ли не сытый, довольный, весёлый и пьяный? Мне ли себя не любить от того одного? И отвечает Престолоначальник-Печальник. Да, зайчик! Вот тебе мячик! Иди, ещё постучи. В ночи. А я тебе за то дам сына своего единоутробного на растерзание. Чтоб грехи твои искупил. Пока ты мячик стучишь. Под руководством Черчесова. Да гвоздиками моего возлюблененького сыночку ко кресту приколачиваешь. Зело мудр Господь! Оттого и тёмен! Но я сейчас вам одну вещь скажу. Только вы не обижайтесь. То, что случилось тогда - это ведь было событием истории? А то! А история происходит во времени? Блядь, ну что за тупые вопросы! И это было решение высших сил? Ну, уж понятно, не унитарных бактерий. Значит, было время, когда, до наступления вот этого самого события - не было подобного на то решения высших сил? О ез. Значит, до поры до времени - у них было другое решение? И здесь ты прав, странный чудило! А потом вот взяло, да случилось это! Ну и что? А история-то - закончена иль не закончена? Незакончена. Иль. Так что может помешать высшим силам изменить своё решение в очередной раз, и на этот уж раз прибить ко кресту скопом всех вас! Ёбанных пидорасов! А ничто не помешает! И я - чтоб вы знали - пророк сего знатного мероприятия! Не

мечите, говорит, бисер перед свиньями. Довольно со всех нас одного моего папы. Так метнул - до сих пор лечу! Но хоть вижу уж, слава те господи, посадочную площадку. Крестом, сикось накось. Ну, какая ни есть. Лишь от вас бы подальше. И отсюда - к кем-то, конечно, давно подмеченным странностям-закономерностям общественных происшествий. Неважно кем. А может быть и никем. Каких только чудес не бывает. Мне тут подумалось, что в некотором смысле гомосексуальная свадьба выглядит естественней гетеросексуальной. Очень странная мысль, не правда ли? Когда её автор не из этих. Которые те. А дело вот в чём. Мне всегда казалось, ещё со времён вот той самой некоторой Каны, что есть в этом что-то определённо нездоровое: так совать всем под нос здоровье якобы сих отношений, не касающихся никого, кроме двух. Потом уже понял, что это продолжение сухой руки патриарха, вольно шарящей под брачным покровом очередной семейной пары. Которая, на самом-то деле, лишь часть общины (и ничто - вне её), имеющей на них право существенно большее, чем они друг на друга, да и самими-то ими послушно принимаемой за что-то значительно большее, чем они. Так как выживание племени, вот что, видите ль, главное, а не что бы то ни - его внутри. Для которого важно только то, что не идёт против него. Стало быть община имеет право требовать отчётливого и прямого обнаружения в своей среде этих отношений, ей безразлична вся их индивидуальная слизь, но это и её слизь также. То есть общественная. А, соответственно, она имеет право осязать свою слизь всеми своими щупальцами, и на законном основании любой её подонок имеет право на это. И эти щупальца лезут под лиф платья невесты и для них небезразличны также вот эти вот некоторые снаружи обретающиеся фрагменты жениха. То есть, всё это идёт от общины. В то время как брак однополых идёт против неё. И как бы глупо не выглядели их свадебные затеи - они от свободы, но не нужды. Потому что в них главное - индивидуальное, но не общественное. Надприродное. Но не подъяремное. И очи всех (для которых нет ничего своего) с отвращением от них отвращаются, а уста изрыгают хулу и слюну. Ланиты багровеют, перси вздымаются, десницы сжимаются. И рамена трясутся. А чресла прямо-таки ходят ходуном. Потому что они теперь не властны над ними! Ах, какое горе для них! Иметь что-то, что нельзя контролировать! Это горе. Тут, в общем, важно понять, что мы имеем в виду, когда говорим о естественности. Природу или свободу. Какая у нас, то есть, точка отсчёта. И, одновременно, высший ориентир. Я знаю, так сказать, пароль я вижу ориентир. Как сказала тут одна с титьками. И родинкой. Да ещё где!? На щеке! Что тоже, кстати, симптоматично. Но не совсем. И почему он, этот

орентир, такой, а не иной. Быть может - из одной вредности? Вот хочется покапризничать! Да и всё тут! Самоуправство учинить! Побаловаться! Слегка! Ради красного, вида залупы, словца прирезать скопом всех патриархальных отцов. Или из яростной похоти? Или плюс из неё? Скорее, конечно, что прежде всего из неё. Но откуда сама-то она? И вот если для нас здесь принцип эволюции не звук пустой, то и поймём. В частности {то, что то, что} не коренится и покоится в ёбаной традиции - это та самая, зачастую, мутация, которая и делает эволюцию. А однообразное повторение сверх необходимого для закрепления однажды случившейся во благо эволюции мутации - остановка движения, стагнация. Что первично-то? Пидорасы иль материя? И я вам так скажу, что по крайней мере в телеологическом смысле пидорасы несомненно первичней! Потому что осмелились пойти дальше того, что для человека приготовила природа. Потому что природа приготовила для него себя! А они, тем самым, её, как не смешно, превзошли. Потому что если даже в некотором смысле и можно сказать что природой всё начинается, то ею же не заканчивается, отнюдь! Как - если бы она имела мозги - хотела бы она. И как, даже не имея мозгов, она всё равно хочет. Потому что она ничего не хочет кроме того, что уже есть. И ещё потому, что если у пидорасов, сверх того, что они пидорасы, есть ну ещё хоть что-нибудь, чего нет у всех этих других стопроцентных настоящих пидорасов, которые везде орут, наскольцо и в какой степени они не пидорасы, то это уже залог благополучного будущего. Каковое таково лишь в случае приращения смысла. А не бессмысленного бляения там, где любой смысл давно истоптан в пыль. Каким же образом, спросит нас пытливый читатель, это может быть хоть в какой-либо степени эволюцией, ведь у них не может быть детей! А у тебя что ли могут? Не сказал ли вам некогда великий Халиль Джебран Халиль (или Джебран Халиль Джебран, но это не важно): «Ваши дети - не дети вам!» Как и вы себе никто. Добавлю я. Дети. Дети появятся где угодно. И как попало. Партеногенезом там. Электрофорезом. Духом, в конце-то концов, святым! Лишь вы бы у них под ногами не путались. Речь о священных вещах. При чём здесь дети. И кто они такие вообще! Как не те, которые потом станут такими как вы. Упаси Господи! Безмятежный радостный сон. Счастливый как дыхание младенца. И настолько же не ведающий о том. А вокруг все рыдают. Спасибо вам и сердцем и душой! За то, что хуй у Вас такой большой! Анна Ахмудова. Пела сию песнь. В фильме семнадцать мгновений судьбы. Слышу напевы народные, жутко они благородные. Сложный ключ не откроет простой замок. Зато всякая хуйня запросто. Была б нужда открывать. Для отмычки есть смысл. В нём

несколько поелозить. А может это оттого, что они наполовину прирученные? Эти ёбанные кошары? Ну, откроешь. А там что? Всегда меньше, чем если б не открывал. Розовая тугая плоть. Или жёлтая жёваная. Да ряд животных соображений. И всё. Но на самом-то деле сейчас не об этом. Потому что это - ни о чём. Тут другое. Как возвращаться к самому себе, когда себе слегка не по себе? В себе самом себя остановив, не просто вновь взлететь, на всё забив. Ежели выразить это подворотным манером. Подворовным макарон. Я ремонт делал, друзья мои! А поскольку это самое гнусное, что можно себе представить: вот этот сам процесс образования вокруг себя из пыли и грязи чистоты и комфорта, в которых бы как по маслу писалось. То и. И не писал, доколе не. И так далее. А расписаться ой как трудно теперь. Кто бы меня пожалел. А то все вокруг только ругают. Ёбанные гандоны. Уж я к ним всей душой! И так, и этак! Нет! Всё им не так! Ты мол высокомерный! А разве я высокомерный? Разве Я высокомерный!? А не мера раньше меня родилась!? Разве ОНА от меня зависит? А не я от НЕЁ? То-то. Же. Мои дорогие друзья. Это вы ни от чего не зависите. В своей беспредельной бессмысленности. Разве Гёте родился после меня? Ну, в каком-то смысле конечно после. Если иметь в виду то самое, что я был с отцом моим до начала времён. Но мы не будем так далеко шагать. Потому что и для Гёте можно так же шагать. А мы посмотрим просто. Буквально. В ряду незамысловатых прямых последовательностей. Разве Гомер родился после меня? И ещё два десятка людей. И не они ли задали меру? Вернее, поддержали её. То, что для человека было возможно, выполнили? Как вы - нет. И как для вас - их - со всем их добром - также нет. Причём я не в претензии к лисам и барсукам. Какая, казалось бы, разница между ними и вами? А вот - какая-то всё-таки есть. Они не были созданы для того, чтобы мыслить. Только, порой, страдать. Вы же - были и для того, и для другого. И для пятидесятого. У вас в башке мозг такой есть. Он так устроен. А в груди - сердце. Которыми вы не пользуетесь. Как было замыслено. И какой замысел вы просрали. Поэтому и барсуки, и лисы намного лучше, чем вы. Ибо отвечают своему предназначению. Они - именно - являются барсуками и лисами. Как и любая вещь в мире - собою. Звезда звездой, пизда пиздой. Председатель совета министров председателем совета министров. Лишь не человек, который был замыслен человеком. Вот и получается, что скорей говно станет человеком, чем человек перестанет быть говном. Всемерно уложенным на свой образ и подобие. Интересно наблюдать, как щебечут ведущие передач «С добрым утром», «Счастья в ваш дом!», «Сто вагонов хуёв вам на темя» и пр. Также, как и абсолютно всё, что происходит здесь. В

так называемом телевизоре. Царстве победившего смысл доброжелательства. Где все всем желают сытости и здоровья. С каковой целью исследуют доброкачественность продуктов и перипетии судеб их потребителей. Да спасают детей-идиотов. Чтобы гыкающий во всю свою неотвратимую щель - из неё ж и слюну пускал много лет. Вместе со страной. У которой свой путь. О, музыка прекрасно так молчит! Разбросаны пластинки по квартире. Окно открыто. Ночь. И ветер ночи. Огни Земли мерцают необъятно. Весь горизонт их брызгами звучит! И мне сейчас единственное внятно. И вот что-то ещё подобное. Было мне внятно. С некоей таинственной недоговорённостью. Доступное, наверное, и сейчас. Как было тогда. А, может быть, в своих основных параметрах, уже и утраченное. Нельзя же, не будучи наивным, испытывать беспредельные очарование и восторг. Трудно игнорировать обстоятельства пребывания в мясорубке. Непоначалу. Но лишь пока витальность сильна. И всё побеждает. Кроме прекраснодушия. Что отрицательная сторона её торжества. А вот ежели уже остаётся сильна одна ментальность. То реально затирать начинает. И остаётся из радостей - пожрать. Поебаться, да искусство. Да бессмертье души. Да благому - благо. И злomu - смерть. Среди всех благородных. Умных и многознающих. Не знающих НИ. ЧЕ. ГО. 1.) Но зато много чего придумывающих. 2.) Потому что много чего придумывающих. Именно что и знал Гераклит. И одновременно с этим много чего ещё. Потому что сначала знал это. Зачем они живут? Всякая вина имеет ограничение в силу полученного за неё воздаяния. Но бывает так, что ты без вины виноват. То есть, твоя вина неизбежна, как реверс монеты. И вот эту-то вину тебе никогда не простят. Все те, у кого совершенно пустой и гладкий аверс. И из которых и состоит «коллектив». Случайный сброд существ. Неодиноких. Чрез исповеданье идей убогих. И одинаковость базовых автоматических реакций. Которые (и существа, и реакции!) сильны лишь в «коллективе». За который, потому, и цепляются. И существа, и реакции. И через (чрез?) посредство которого травят того, кто вне его. Буквальный пример: самозабвенно брешущие в указанный облезлым вожакom попутный ветер беспородные псы. А ну-ка песню нам пропой весёлый ветер! Злобный ветер! У них всегда есть вожак. Хотя они и без него хороши. Самый тупой и энергичный из своры. А потому и самый уверенный. Подлость и пошлость это одно и то же. Живот. Животные. Живёте. Задушевные хари. Но строгие. Строгие, но справедливые! Справедливые, но справедливостью. Животных. Живущих. Животом. Эх-ма! Люблю говно. Смыть. Законы массы! Посмотри на бойцов в строю! Снова шушеру всю узнаю! Как вы были всегда ничем, так в строю-то уж

более чем. В строю. В своре. В стаде. В стае. В толпе. В муравейнике. На флэте. Тусовке. Перетасовке. На перефасовке. В сообществе друзей Драгомощенко. На внеочередном и чрезвычайном заседании политбюро ЦК КПСС. На высших режиссёрских курсах Всесоюзного Государственного Института Кинематографии. Мероприятиях ХДС-ХСС. Или просто СС. На космической станции. На ассам БЛЕЕ. Одно. И то. Же. А Б С О Л Ю Т Н О. Но некоторые. Крадущие у вечности мгновенья. В любовном экстазе. И ещё небольшие фрагменты. Вечности. Вне. Перестал думать и сказал, что думаю. Есть люди, которых надо убивать. Потому что сами по себе они никак не умрут. Человек, который поступает плохо, как правило - плохой человек. Но плохой человек считает, что плохой человек тот, кто так считает. Потому что он не имеет права так считать. Потому что он не имеет права никак считать. Потому что все люди хорошие. Ах, толку-то, толку от ваших жизней, ёб вашу мать. Балбесы. Чёртовые. Он построил себе дом. И ездил куда-то там отдыхать. Блядь. Жизнь уже скоро закончится. А он ездит всё куда-то там отдыхать. От чего, блядь? От переливания пустого в порожнее? Ебал в жопу гуманитарий технаря, приговаривая. Что дух торжествует над материей. Да технарь так ничего и не понял. Хотя и был очень доволен. Одинокая душа. Много ли ей надо. Побродить среди могил. Вся её награда. Никто до меня не думал выказывать претензий обычному человеку. То есть, дураку. Видимо, со мною это происходит исключительно из-за моей индивидуальной способности к какому-то особенному удивлению по поводу его чрезвычайно внешнего сходства с человеком, как таковым. Важно не читать много, а читать столько, чтоб иметь представление о том, что может быть в книгах, которые не успел прочитать. А чего - не может. Вот чего не может - о том и пиши. Потому что, когда время закончится, тебя, может быть, спросят, что сделал конкретно ты? Лично? Индивидуально? А не в составе группы товарищей. Ребёнка? Это и курица может. Первое. Второе - не один. Третье - Ты - не делал. Шестерёнка ничего не делает. Она служит механизму, для которого сделана. И который тоже, естественно, сделан. Что сделал ты как человек? Что сделал ты один? Без ансамбля? Говорить нужно так же, как и кричать. То есть, не тем криком, который « - Эй, Коля, ты не видел, куда Вася пошёл!?! ». Потому что и так ясно, куда он пошёл. А тем, когда не можешь его сдержать. Когда он произволен. От наслаждения или боли. Вот как Лев Толстой. Который не могу, говорит, молчать. Но при этом, в отличие от Льва Толстого, неплохо ещё и не говорить глупость. (А значит он, наверное, слишком рано начинал не мочь.) - Ты веришь в бога? - Я верю в унgrund. Почему такой ответ правилен и не пошл? Потому

что в лесу уже созрели шишки. И мишка их собирает. И это второй непошлый и правильный ответ. «Пляж, это прекрасное место для того, чтоб отправиться туда в обуви, в которую не засыпается песок.» Сказано уверенной ведущей программы «Модный Приговор». И я с ней совершенно согласен! Звёздное небо надо мной и постоянно какой-то долбоёб рядом со мной. То, что ты не говоришь, значительнее того, что ты говоришь. Значит надо говорить так, чтоб, сохраняя качества молчания, это добавляло смысла. Что-то, в противоположение моим былым основополагающим представлениям... Ну и так далее. Насчёт тёплого трепыхающегося комочка прекрасных надежд. И всё, на что остаётся надеяться, это, по-прежнему, сила бессильного добра. И красота искусства. Если красота не красивость, а искусство запечатление величия. Он с наслаждением поцеловал его в мёртвый лоб, который был таким всегда, и удовлетворённо подумал вот ты сдох (и именно потому) а кто виноват в том, что ты не хотел быть тем, которым быть - был призван. Но ты отверг этот призыв. И оттого и я отвергаю тебя. Многие в тот день скажут мне господи господи. Люби ближнего, как самого себя? Разве не ты дал нам эту заповедь? Но разве я люблю себя таким, какие вы? Разве таковы мои ближние? Разве плохо, или глупо, или несправедливо, или жестоко, что единственная подлинная форма моей любви к ним поэтому это презрение и ненависть? Как уважение и любовь к тому, что ими было отвергнуто? И, несмотря на всю мою нелюбовь к прямым высказываниям, я наконец прямо выскажу это. Потому что эта нелюбовь ничто по сравнению с нелюбовью к вам. И именно поэтому же удар бревном в данном случае более остроумен. А также и умён, ведь подлинное остроумие дружит с умом. А не враждует с ним. Как можно было бы подумать, глядя на тех, кого принято числить в остроумных. Начнём с того, что они вообще не люди. Этим же и закончим. Потому что дух, конечно, веет где хочет. Но кое-где, всё же, предпочитает это делать более, чем в других местах. То есть, где вообще не предпочитает. Ведь чё впустую веять-то. Думает он. И не веет. На последней высоте можно только молчать. Но, поскольку на последней высоте можно только молчать, значит я на предпоследней. И это всё, что можно сказать. И это всё, что имеет смысл говорить. И это всё, что нужно пытаться сказать. В надежде на то, что кто-то это сумеет понять. Чего никому пока сделать не удаётся. Видимо потому, что никто особо и не пытается. Так как вообще не понимает, о чём идёт речь. И в данном случае, и в целом. Так как не понимает главного. Что это одно и то же. Везде, где соберутся двое или трое во имя моё. Господи. Да хоть бы они, для начала, собрались во имя своё. А не безымяе. Которое - у бога - иное. И иное у червя. Но то, что между ними - должно же

иметь имя! Уж коли оно есть! На месте пустоты, где кроме неё (вполне благополучно при этом снабжённой именем) ничего не бывает! Разве это не чудо?! Но это ладно. Бог с ними. С богами, червями. Именами. Чудесами. Моя претензия к некоторым из тех, которые были до меня, состоит вот в чём: не слишком ли они много пиздэли? И, стало быть, можно ли, поэтому, сказать, что они были до меня? Что они вообще были? Может быть, они вообще не были? А лишь прозябали в своём декоративно-псевдоглубокомысленном основополагании? Таком нежном-нежном, жеманном-жеманном? Розовом-розовом? А Рыльке, тем не менее, у них был в пуху! Дуинские элегии. Ебать в сраку! Как же это красиво! Что дуинские, что элегии. Элегии! Я б и слово само постыдился сказать. Дай бог каждому прожить жизнь, сумевши так фундаментально разовратиться, что и относительно неглупых в эту свою (ну ж блядь) необычайно благородную и печальноумную мерцающую эстетику, так сказать, тоже суметь вернуть. Это красота атомов разлагающегося трупа. Трупа не видно на уровне атомов. А лишь одни красивые атомы. И, типа, слава богу. Если бы, так сказать, ни хуя! «Придёт пророк, чтоб всех вас захуячить!» (Как сказал пророк.) Хотя. Как же вас всех захуячишь. Когда вы только одни все и есть. Креститель хуячил-хуячил - не захуячил. Спаситель хуячил-хуячил - не захуячил. Пришёл мышка хвостиком махнул и захуячил. Нмда. Печально. После закуски блевануть. А всё почему? А потому что Дуинские! Не Дунайские! Не Дунькинские! Патаму шта. Вишь ты. Блядь, как же вы меня заебали. Не ведающие, что тот, кто тихоструйно мудр - глуп. Объективный - необъективен, правдивый лжив, честный подл, основательный поверхностен, солидный легкомыслен. Положительный - неположителен. Тонкий - толст. Широкообразованный - [не ведает главного. А стало быть] не знает ничего. Изошрённо пронизательный и бездонно интуитивный - это ему так нравится. Разверзающий духовные горизонты - строчащий банальное в нестандартной каллиграфии. Интеллектуально утончённый (= современно осведомлённый) - более всего боится правды о себе самом. А всё это изъясняющий - вообще пропал. Вместе с теми, кому изъясняет. И которые пропали ещё раньше. Ну, а вот теперь он. Что я этим хочу сказать? А хуй его знает, что я этим хочу сказать. Слава богу, по крайней мере, что обычно мне вполне понятно всё, что я хочу сказать тем. Но солнце бы не было солнцем, если б на нём не было пятен. Так сказать. Вы смеётесь над детьми, потому что понимание вещей, обнаруживаемое ими в своих повествованиях, основанных на той скудной и неверно интерпретируемой информации, которой они располагают, кажется вам смешным. Вы добродушно смеётесь. Потому что они же дети. А я недобродушно смеюсь. Потому что

я не смеюсь. Потому что между неверно интерпретируемым и победоносно тенденциозным большая разница. Каковое есть повседневное дело смеющихся над детьми. И только одно это дело и есть. Дело рабов, но не людей. То есть, безделие. Когда они предоставлены сами себе. А они уж давно предоставлены сами себе. От того и мир гибнет. Вот. Увидел бабу. На остановке. Деталь. Ладно, пусть будет. Уж коли так есть. На остановке, да. Не над, не под. Не сбоку от. Ну как бабу. Девку. Весьма габаритную. С блядь тату на копытах. И на всём так сказать прочем теле. Эх, девка ты девка. Подумал я. Нет. Не так я подумал. Не так я подумал. А как? Эх, баба ты баба? Шлюха, пизда, дешёвая давалка? Т.е., обычный комплект мужских шалостей по-поводу всякой приличной девушки? Ну, и это конечно тоже. Как без этого. Но уже то хорошо, что прежде - не это. Недостаток внутренней оригинальности всегда отражается во внешнем оригинальничанье. В диссертациях, в рисунках на коже. В том, как Мишель Фуко сжимает свой кулак. Как будто ему есть что сказать. Это ведь так говорится. Недостаток внутренней оригинальности. А на самом деле: есть человек или его нет. Приятно быть честной девушкой и стоять на перекрестье всех миров. То есть, честным парнем. Сказал я однажды. Почему же с тех пор ничего лучшего не сказал. А ты догадайся. Тело не виновато. Дерево не виновато. Животное - уже виновато. Человек - весь виноват. Человек всегда отступает. До тех пор, пока есть куда отступить. Но беда в том, что он никогда не наступает. Хотя ему очень есть куда наступать. Он действует как обезьяна. Которой поставили задачу достать банан. И которая даже не пытается задуматься, нужен ли ей банан. Тот ли это банан, который ей нужен? И - банан ли это? Или, может быть, что-то другое? Прежде всего она не задумывается: достойно ли честной обезьяны тянутся за подачкой. И она достаёт всё тот же и тот же банан. Который совсем не тот, что ей нужен. Вот в точности как Мишель Фуко. Чтоб не к ночи был помянут. То есть, я хотел сказать, не всуе. Да оно в принципе одно и то же. Для тех, кто не верит в ночь. И как прочая тьма людей. Господи что будет со мной что будет со мной. Что будет с моей книгой которой четырнадцать страниц. Не живым (на их лад) тяжело притворяться среди людей. А дураком. Быть живым, как живы они - быть мёртвым. Всякий дурак мёртв. Тяжело притворяться мёртвым. Я стараюсь не судить до последнего. Я удерживаю себя от суждения. До тех пор, пока сам очевидным образом не начинаю чувствовать себя дураком. Чем ничтожней человек, тем более он трясётся над своими правами. Как и должно поступать генетическому рабу с прочной подземной памятью о том времени, когда у него не было прав. Теперь он не уступит ни пяди своей земли. За

которую его предки когда-то начали (а он длит) торговлю небом. Стащив его на землю и сделав частью земли. Не как обетования, но как грязи. Пускай и очень пышной, местами. Иисус позволил Иуде себя поцеловать. Но на поцелуй не ответил. По этому же принципу мы зачастую позволяем пожимать себе руку. Делая подобное рукопожатие чем-то значительно худшим, чем если б его не было. Чтобы отбить желание в следующий раз эту свою руку протягивать. Я вам в 1538073257437963386566-ой раз говорю! А 1538073257437963386567-ого не будет! Не протягивайте ко мне своих рук, все вы, которые целовали Христа иудиним целованьем! Да, конечно, я знаю, есть мнение, что только тот человек, который доказал свою жизненную мощь успешным освоением иностранного языка или переездом в другую страну или и тем и другим одновременно, или ещё даже хуй знает чем, вот именно он-то и есть тот, который способен на что угодно иное. Свыше, то есть, хуй знает чего. Но ещё я знаю, что среди множества лиц, успешно освоивших и то и другое. И пятое: разродившихся значительным количеством написанного и опубликованного и принятого благодарной читательской публикой, нет ни одного, всё существование которого, вкупе с его литературными отходами, стоило бы потраченных на его появление на свет хотя бы только физических усилий даже не то, что его матери, но так же и его отца. Как и всех тех, которые ковыряют в залупе, никуда не уезжая. И при этом также не изучая никаких языков. Потому что дело не в этом. А в чём, в чём дело, спросит долготерпеливый читатель? В том, что если у тебя хватило души дочитать хотя бы до самого этого места, не сделав гримаски более трёх штук на страницу, значит у тебя есть то, что необходимо для первоначальных подходов к протискиванию в царство небесное. Которое, как известно, берётся не внешними обстоятельствами. Я не верю в то, что люди не виноваты. По причине того, в частности, что быть не виноватыми им мешают также внешние обстоятельства. Кому мешают - тот умирает. А не продолжает собирать хлопок. Вот он - невиноват. А остальные изобретают идею, что всякий индивидуален. В чём он индивидуален? Во внешности? Да, это самая большая степень индивидуальности из доступной материальному. Потому что больше материальное (инертное) ни в чём не индивидуально. Но что значит внешность? Это та сторона, которой нечего себя позиционировать в мире, устроенном по принципу круговращения всего во всём за счёт взаимного пожирания, поглощения и уничтожения. И то, что успешно сожрало всё остальное и надо всем возвысилось - завтра будет растоптано следующим сожравшим его и в свою очередь возвысившимся над ним. Внешность это маска. Внешность это маска для мира, главный параметр которого

временность. Случающаяся прекрасной лишь когда остановлена в своём мгновении навсегда! И перешла в вечность. В мир безвременности. Внешность - это хитрость. Внешность - это и есть маска. Внешность не бывает не маской. Она так устроена. Она так приспособлена для этого мира. Подкрасться, урвать, сожрать, подкрасться, убить, сожрать, напугать, запугать, чтобы подчинить и заставить себе служить, обольстить, чтобы трахнуть, а после убить и сожрать, или трахнуть, чтобы продолжить себя. А можно и без обольщения. О, этот сказочный мир! Вот что такое внешность! И вот в чём вы индивидуальны! Не вы! Но порядок таков. Заведённый не вами для вас. А вы просто по кругу в нём ходите. Гордясь своей непроявленной покамест в должной мере из-за неблагоприятных личных (внешних!) обстоятельств индивидуальностью. Талантами! Гениальностью! О, каждый человек это же сундук скрытых возможностей! Нет бесталанных людей! Только непонятно откуда тогда вы все взялись. Культуру делает большинство? Нет. Так какого ж хуя оно всегда право?! Если оно её даже не потребляет? Потому что не способно понимать. И откуда «их у нас гораздо больше, вспомните о них»? Когда «о них» и забыть-то не получается! ==> Изюбки подсюсюкивающих этому самому большинству. Чтоб оно их «выбирало», а они его обворовывали. Это же ведь так и в писательстве, не только в политике. И покуда это большинство не захочет перестать быть большинством, такими, «как все», всё это будет продолжаться и продолжаться. Пока не задохнётся в собственном говне. И улыбка, без сомненья, вдруг коснётся ваших глаз. Ибо все ваши таланты, это выстругать из дощечки хуёвинку. Таланты сраных мастеровых. У которых руки растут не из жопы, нет! У которых оттуда растёт ум. Мы навоз что ли дарим даме, а не розу? На том основании, что роза, видите ли, произрастает из навоза? Так какого, опять же, трести этим навозом как чем-то, самим по себе заслуживающим радости? Доколе из него ещё ничего не произросло? Внимания заслуживающим, да. Микробиолога. Вот и все рассуждения о так называемом «народе». Ибо. Не предпосылки чтутся, но свершения. Не набор поодиночке бессмысленных элементов, а из них осмысленное и законченное (даже если оно момент целого) образование. Хорошие люди. В чём они хорошие? В том, что при встрече с вами, не выгрызают вам глотку с разбегу? Значит, пока не припёрло. Значит, люди хорошие. Маленькие хитрованчики. Лукавые пидарасы. Все в понятиях, как шелудивые псы в коросте. «Народ»! Увы, далеко не все вместят сие. Но лишь кому будет дано. По морде. В том необходимом количестве и качестве, чтобы вместили. Но мало кому повезёт. Ибо кто ж этим будет заниматься? Разве что персонажи романа Владимира

Сорокина «Лёд»? Так они ж персонажи. Придумки. Не жизни. А речь-то о жизни. Речь идёт только о жизни! В которой так мало подлинной жизни. В которой так мало явленной жизни! И в которой так много бессмысленноглупого копошения неких околожизненных, протожизненных, преджизненных, якобыжизненных броуновских существ. Для которых ум - это начитанность. Ты, Аркадий, говорит, начитанный. О кей, май френд, я начитанный. Дай бог тебе здоровья! Это - именно то, что тебе доступно вместить. Вместе с животным смехом, который не может не выплёскиваться наружу во избежание той огромной печали, что лишь бы не лопнул дурак. И которым ты поэтому бесплатно одариваешь всех тех, которые не стали бы тебе за него платить. Ах, если бы камни умели смеяться! Они бы тоже смеялись. Больше вас ничто не разнит. «По данным следствия, вечером 9 июня 2021 года неустановленное следствием лицо, находясь в лесном массиве на пересечении Костромской и Медвежьегорской улиц в городе Москве, угрожая предметом, похожим на нож, совершило изнасилование двух жительниц столицы». Да. То есть: «По данным процесса, похожего на следствие, временем суток, похожим на вечер, датой, похожей на 9 июня 2021 года, похожим на неустановленное лицом (которое, похоже, находилось в похожем на лесной массиве, расположенном на похожем на пересечение похожих на улицы Костромскую и Медвежьегорскую в городе похожем на Москву, похожем, угрожая абсолютно конкретным ножом), было совершено действие, похожее на изнасилование, похожих на двух (а не одну) похожих на жительниц (а не приезжих) похожих на населённый пункт (а не ёбаное поле), похожий на столицу (а не город Тюмень).» Вот теперь мало к чему можно придраться! Корректность - соблюдена! И толерантность. Трагическая хуйня. Вот что-то, похоже, этакое-такое. Жалко двух жительниц столицы. Похоже, их изнасиловали. Хорошо хоть в столице! А не в Усть-Каменогорске! В столициице моей рооооооодины Москвееееееееееееее! Меня изнасиловали в Москве! Нет, в самом деле, как это гордо звучит, если делать ударение на Москве! Не куда (так сказать, во что) и которым способом (какое насилие, то есть, было доминирующим, физическое или психологическое, или вполне благополучно наличествовали оба сразу, одновременно и равномерно), а где! В Москве, ёб вашу, в Москве!! Меня выебали в Москве против моей воли и это стало моим лучшим воспоминанием на всю оставшуюся жизнь и сугубым утешением моей одинокой старости! Об этом ещё в газете печатали. Кошунство! Это кошунство! А если бы твою сестру так! У меня нет сестры. Я сам себе сестра. И, скажу пошлую, потому что банальную, вещь: жить среди вас -

постоянно подвергаться насилию! Со стороны вкуса, смысла и далее. И даже не в Москве. Но повсюду. Ничего. Жив. Ещё и вас, так сказать, переживу! (Тщщщ!..) Своих насильников. И кто сказал, что вонючие мокрые портянки, которые целую жизнь для просушки развешивают непосредственно перед твоим носом менее травмируют, чем однократное изнасилование в Москве!? Кто бы это не сказал, он будет неправ! Просто ему не дано это прочувствовать. Потому что он из тех, кто развешивает портянки. Иначе бы он этого не сказал. Но был подвергнут насилию. И - видит бог! - вовсе не надо быть психологическим или онтологическим мазохистом, чтоб отдавать себе ясный и мощный отчёт: кто избрал себе такую участь, кто не мог не избрать её - тот избрал себе благую часть! Ибо: куда ж от вас деваться. Покуда вы сами отовсюду не денетесь. О чём и говорится: бог терпел. Но вам он не велел ничего! Ведь вам хоть велей, хоть не велей, максимум на что вы из терпимого способны: повилить. Но повилить на вас и бог не в силах. Хотя в силах терпеть. Вот мы и терпим. Терпилами нас называете вы! И Иисуса так называли. Почему мол меч не взял. Волобуев, вот ваш меч! Да потому и не взял, что тогда всех этим мечом надо было в капусту рубить, а не тех лишь, что за ним пришли. А ведь в этом навозе были те самые непроявленные силы, которые, в свою очередь, уже перед твоим теперь носом, драгоценный читатель, так сказать, проявляются, а ты лишь этим самым носом шмыгаешь. Да глазами хлопаешь. Да ушами дрыгаешь, не в силах уразуметь, что Ты родил Исаака! И за это многое простится тебе, чудовище бессмысленное. И ты будешь отпущен на вечный покой. В коем, впрочем, и сейчас пребываешь. А хули с тебя взять. Кроме, как говорится, анализа. Который, опять же, показывает: взять с тебя - нечего! Так же, как и тебе что-либо дать! Ты - самодостаточен. Вполне! И с этой стороны - совершенен! Не то, что твой страдающий бог. Говно всегда обладает некоторой законченностью, которой лишены многие прочие предметы. Аллилуия! И, так сказать, ура! Я любил вас, люди, будьте такими же [никакими], какими бывают те, которые вас способны любить! И на Иисуса перестаньте напраслину возводить! Говно не нуждается ни в любви, ни в жалости. Если б оно подлинно нуждалось, то во-первых, оно бы не было говном, а во-вторых, мы бы любили его! Но в любви и жалости нуждаются люди! И вам внушили такие же как вы, что вы - это они. А это самое ваше глубокое из всех ваших глубоких заблуждений! Миллионы рождаются, проживают и умирают, даже и в сотой доле не приблизившись к тому порогу, за которым впервые появляется шанс на медленное и постепенное обретение неких изменений, способных некогда перевалить в качество под названием человек. Вот это звучит гордо, а не

хуйня на нарах. Безмозгло и пафосно витийствующая в пустоту. А то, что подлинно звучит гордо, никогда этого не озвучивает. Оно лишь мысли озвучивает, ему нет нужды топорщиться: автором ли, рупором ли этих идей. Человек - это звучит гордо! Ну да. Гордо. Найдите мне ещё его сначала. Гордо. Дальше что? Всё, что ли? Отзвучало и кануло? Дальше что будем с этим фактом делать? Звучит - гордо. Так многое что звучит, а толку-то? Коли лишь звучит, а не является. Барабан вон тоже звучит. Но он-то хотя бы не претендует на большее, чем быть барабаном. А вы лишь барабанами являетесь, а хотите звучать, каждый из вас!, как должен звучать человек. А у вас ведь не получается! Никак! Бляньё баранье, шкура барабанья. Всё вместе, очевидно, как-то должно гордо звучать? По замыслу творца? Вынь изо рта хуй, как говорили в моём детстве тому, кто не был способен на членораздельную речь. Заметьте себе! Член надо было разделить со ртом, чтобы что-то осмысленное излилось с уст. Эх. Люблю народной этимологией потешить себя. Порою. Так вот. Вынь изо рта хуй. А перед этим из головы затычку. Которая называется «как все» и «не хуже других». (А заодно и «не лучше». Так как это ещё хуже.) Ну? И что ты думаешь? Последуют они твоему благожелательному совету? Но гордо хотеть звучать при этом ни в коей мере не перестанут! Быть не хуже других. Быть такими как все. И при этом - звучать гордо. Охуеть! По делам их узнаете их. Какие дела есть ещё у человека на земле, кроме того, чтобы думать? И из этого мы узнаём, что человек ничто. Которое не хуже других. Не хуже других, не лучше других. Таких же, как и сам, никаких. Люди. Ах, эти маленькие люди. На больших машинах. Которые боятся серьёзных разговоров. Которые считают, что серьёзные разговоры это несерьёзно. Что это для бомжей и писателей. Истинная причина, однако, в том, что они лишь чувствуют свою несостоятельность: они НИКОГДА не готовы к серьёзным разговорам, они ВСЕГДА не готовы для них. Они для них несерьёзны. В то время, как разговоры-то как раз серьёзны. А вот они - нет. Но - главное - они не готовы это признать. И - ещё хуже - если они и готовы это признать, то подобное признание равносильно раздражительному народному пожеланию пойти на хуй. Оно, таким образом, это признание, будучи лишь злобной отмашкой, никакое не признание как таковое, а, стало быть, и не начало мышления, отнюдь. А даже совсем напротив. В общем, какой-то всегда получается в этом случае фатальный и абсолютно повсеместный, неизбежный и злой сатанинский ухмылка-обмылок. Свою несостоятельность в этом вопросе они чувствовать могут. Признать это как факт - нет! («Это не нравится мне». - «Почему?» - «Потому, что я не дорос до этого». Ответил ли так когда-нибудь хоть один человек?» И на этот раз,

и даже без особенных шуток, Ницше сказал это лучше, чем я.) И на этом - всё. И всё бесполезно. Мертво. И было, и будет. Всегда. Думал он, в близком преддверии своей свадьбы. На которой возможно было присутствие его новых родственников. Детей жены. Почему люди пишут книги? Потому что им некуда больше идти. Книги как люди. Они тоже не книги. Не люди не могут написать книги. Не книги не могут помочь не людям сделаться людьми. Да и те, которые есть, которые книги - тоже не могут. Как вот И. Христос. Не помог же вам ими стать. И в этом мире, в конечном итоге, лишь одна благодать: ни книг, ни людей. Так что Ясперс был не прав. Всему не быть - проще, но вот это-то, как раз, тут оно самое всё и есть. Что ничего нету. Кроме того, что говорит об этом. Так что Ясперс всё-таки прав. Есть то, что говорит, хотя того, о чём оно говорит, хотя бы и нету. Да и на хуя оно нужно, такое, какое оно есть, никакое. Но надежда миру есть, так как что-то всё-таки есть! А если есть хоть что-то, то кто сказал, что со временем из него не вырастет всё? Если вместе с ним не загнётся. Чтоб наступило царство окончательной и полной хуйни. Ни изнутри, ни извне неё самой уже ничем неосознаваемое и неосвещаемое. Спасибо всем вам, многочисленностью своею подобные звездам на небе, и даже бесчисленные, друзья мои! От вас этому грядущему царству большая и неоценимая помощь! Вы очень споспешествуете его приближению! Инженера физики химики. Бизнесмены полисмены. Геологи технологи. Руководители строители. Преподаватели предприниматели. Заседатели изобретатели. Надзиратели законодатели. Председатели. Воспитатели. Избиратели. Рекламодатели. Соискатели. Журналисты-футболисты. Программисты-экономисты. Президенты-корреспонденты. Контрагенты-абитуриенты. Студенты-аспиранты-кандидаты-доктора. Пожарники-космонавты. И прочая хуета. Большой аксессуар средств как наябывать своих граждан имеет также и государство в составе его главных лиц. Кто его главные лица? Принято считать, что все вот эти круглосуточные хари в телевизоре. Над вот предыдущими. Ну дак. Так принято считать, дак так считать, стало быть, и будем. А кто мы такие, чтобы считать иначе? Разве боги что-то могут, если они с вами ничего сделать не могут. Вот, кстати, вопрос, кто кого больше ненавидит: умные тупых или тупые умных? Конечно же тупые умных. Их же больше. Во-первых. А во-вторых им всё равно ведь заняться нечем, так почему ж не потратить своё бессмысленное время в числе прочей хуйни, которой они заняты, как то: пинание баллона своей машины или обмен старой на новую, и на такое непродуктивное занятие, как ненависть? А умным она будет мешать думать. Ища пути к спасению тупых. Которые говорят: возможно, мы для них как муравьи. Когда

рассуждают обо всяких там иных цивилизациях. При этом не уточняя, кто «мы». Не делая различия внутри человечества. Предполагая, что все как они. И срут из одного места ибо и пр. А это же главное. Откуда человек срёт и куда ест. Вот, допустим, разумные существа (как и «мы», то есть! Разумные!) построенные на иной основе, на кремниевой там, или опять же какие-нибудь плавающие лишайники или летающие мхи, те либо вообще не срут или делают это как-то по другому. Типа. И вспомнилась мне тут одна басня. Ещё на небе солнце, Но вечер уж грядёт, И под моим оконцем Журавль козу ебёт. А чо, нельзя? Бросьте! История знает подобные инциденты. Уж если птица однажды выебала человека. То козу-то сам бог велел. Так и велел. Призвав к себе журавля. Иди, говорит, и срочно выеби козу! Прямо под оконцем Аркадия Владимировича Меньшенина! Пока ещё на небе солнце. Чтобы ему было всё хорошо видно. А то вечер уж грядёт. Это было, так сказать, лирическое интермеццо. Неизвестно откуда и зачем сюда прилетевшее. Я конечно не очень хорошо представляю себе что такое интермеццо. Зато мне прекрасно известен смысл слова лирическое. Поэтому в целом будет что-то именно то, что я и имел в виду. И таки ввёл. Так вот. Не «возможно», а вы и есть муравьи. Причём, не для каких-то там иноземных разумов, а абсолютно даже и оных земного субстрата. Потому что кто же вы ещё, если разум с вами ничего общего не имеет по причине того, что ни вы им не пользуетесь, ни он вами не руководит? За исключением того, что муравьи намного лучше. Так как их физическая организация не подразумевает возможности думать. И они делают то, что им предназначено делать. А вы не делаете - н и х у я! Ах, если б людоеды были не сумасшедшими, а умными, клянусь! Они были бы мною оправданы! Потому что они делают то же, что и вы. Едят животных. А ведь вы считаете это нормальным. И правильно делаете, к стати говоря! Я тоже так считаю! Какова вероятность того, что бога нет? Ничтожна. Какова вероятность того, что Григорий Распутин мерзавец? Отсутствует. Какова вероятность того, что он не от мира, но от бога? Да, он святой. Лучшее чему подтверждение, что в глазах мира паскудник. Несмотря на то, что сегодняшнему до этого и дела нет. Кто он. И был ли он. И есть ли он. И есть ли всё вообще. Что достойно того, чтобы быть. А не только вы, которые недостойны. Производство штампованного товара, ибо, ни энерго-, ни смысло- затратно и в близкой степени так, как штучное производство. По какой причине Адам и Ева стоят дороже современных молодых людей. В подавляющей всякий смысл массе их. Как и дороже того, что и они, в свою очередь, производят. Всякие, то есть, кашки. Такие же, как и сами они, и от них совершенно неотличимые.

И разве они нуждаются в прощении? Снисхождении? Когда в их отношении неизбежны лишь раздражение и брезгливость. Которые, в принципе, тоже излишни, но случаются. Когда не получается их обойти. Что редко хотя приключается.. когда, т.е., напрочь противно себя заставлять, чтоб получалось. Нет-нет, да и назовёшь сволочь сволочью. Сволочь, конечно, расстраивается. Жалко сволочь. Тут-то ты её и простишь! А она тебя - нет. Вот и поссорились. Камни свободно летают в пространстве и никуда не падают. Что может быть более странным из предначертанного для созерцания? А вместе с тем, это и есть так называемый космос. Меня мало интересует, что по факту они, конечно, падают... Меня, скорей, вдохновляет, что упасть куда-то (там) если и могут, то не иначе, как в порядке исключения! Замечательные камни! Летают себе! И всё им по хуй. А здесь - лежат. Хотя, по сути, это одно и то же. Потому что главное в камнях - что они камни. Вот к чему я вёл и что вывел. Что с ними сделают - то они и будут продолжать делать. Положат - будут лежать, кинут - будут лететь. Как правило в морду тебе, о первые ж ты споткнёшься. Потому что так получается, что кладут и кидают, видимо, не иначе, как силы ада. А также о дружбе. О это сладкое слово. А точнее, о том клее, которым, внутри неё, является доверительность. Ей богу, мне иногда кажется, что те бездуховные животные, которые делятся своими жёнами, бóльшие друзья, чем те, которые считают своим со своими, ими так называемыми, друзьями, ну вот прям совсем - никогда и ничем - не делиться о своих жёнах! (Даже самим фактом, что у них есть жёны!) Так же, как и обо всём для себя ближайшем. Жёны, в данном случае, конечно, лишь частный случай. Хотя и самый показательный. Ибо, что для человека может быть ближе. О чём или чем ты мог бы поделиться. Со своим другом. Но дело тут, видимо, в том, что никто из людей и не знает дружбы, настолько затмевающей собою любви. А лишь привычно и бездумно слово полощет. Или, как минимум, ей соразмерной. И постольку, даже и близко не приближаясь к этой соразмерности, люди и представить себе не могут, что так и может, и должно быть! И - друг с другом продолжают целомудричать и осторожничают, соблюдая блядь приличия и границы дозволенностей всех сортов и родов. Войск. А не дай бог она полюбит его больше, чем меня, коли у него хуй толще! А ещё больше не дай бог, если она полюбит его больше, несмотря на то, что у него хуй тоньше! Или кто-то и что-то полюбит его, просто потому, что он лучше! Даже и вообще безо всякого хуя. Это называется дружба. Не смешите меня, сейчас из меня во все стороны брызнут маленькие фонтанчики смеха. Такие же, как ваша дружба. Поэтому рассказывать мне о вашей дружбе, это всё равно как ветерану

показывать фильм о войне. Вы делаете вид, что все эти чувства и мысли пережили, и теперь только можете в пространстве бескорыстных и незамутнённых созерцаний лишь перемещать их элементы, наблюдая занятные конstellляции, получающиеся при сём. В тот момент, когда вы их никогда и не испытывали. Как ваши. Как принадлежащие непосредственно вам. Потому что всё это, видите ли, из одного флакона. Коли тебе делиться нечем, так ты и изображаешь, словно нечто скрываешь. По причине либо недоступности младшему по дружбе (в силу его умственной хилости) богатства и сложности твоего внутреннего мира (зачем перед ним обнаруживать, всё равно не поймёт), либо, во случае втором, безусловного наличия священных норм. Они называются моральными. Ух! Мораль! Что вы, так сказать, знаете о морали! Или даже не так сказать. Но! Это ж намного легче, чем признаться, что тебе нечем делиться. Но хотя бы женой-то было бы всё-таки можно? Господи, да это ведь и вообще единственное, чем вы могли б! Коли больше у вас ничего нет. Куском хлеба, да женой. И то не делиться. А больше с вас и взять нечего. Но это-то, и, причём, с обоюдно даже благодарностию, было бы можно! Ан нет. Жена-жена. Хули жена. Такой же кусок мяса, как и ты сам. Ебать тебя в сраку. Дорогой друг. Уж очень ты сложный. Не знаю, потому что не вижу, на каком уровне, на уровне мяса, которое вижу, простой. Знаешь, почему всё так? Потому что своё мясо ты мне не видеть позволить не можешь! Но зато можешь (попытаться) скрыть сам факт того, что у тебя ничего сверх него нет. Слава богу, хоть что-то ты можешь. Ибо, как сказал Монтень, «даже те рассуждения о дружбе, которые оставила нам древность, кажутся мне слишком бледными по сравнению с чувствами, которые я в себе ощущаю. Действительность здесь превосходит все наставления философии». Если ты откуда-то очень много не вынешь, то ты это никуда и не вложишь. Я имею в виду, конечно, не какое-то куда, а туда, куда надо. И даже не туда, куда надо, а туда, куда единственно надо. Потому что, конечно, между куда надо и куда единственно надо большая разница. Куда надо может быть чем-то промежуточным, то есть, надо, но не строго обязательно, надо, но и много куда надо, так что данный пункт можно без большой печали миновать (или в последовательности, или, даже, и полностью), заменив другим, который ничуть не менее (и не более, или в пределах не меняющего его качества флуктуаций) этого. А единственно куда надо, это 1. туда, где для человека конечное, то есть бесконечное уже не для человека, вложение в которое, как и само которое, ничем не заменишь, 2. и речь о том, как всё происходит на пути к нему. А очень много, это означает, что иначе подобное не достижимо. Очень много, это обнажить всё, что прячется от света, с целью

скрыть свою ложь. Сначала своё, а потом и всё остальное. А поскольку ты подходишь к этой задаче, во всей её полноте, уже миновав первую ступень (своё), а иначе, такой, какая она есть, ты бы не мог её даже и обозначить, то остаётся остальное, увы. За что ты и подвергаешься критике тех, которых, ах, задеваешь, решая её. Соблюдать формы-нормы вежливости должен, за-ради всеобщего и, прежде всего, собственного, спокойствия, каждый, но никто никого не обязан уважать прежде, чем получит от него произвольные: спонтанные и естественные доказательства того, что он заслуживает уважения. А уж тем более, вставать перед этим вполне непрояснённым лицом (учитывая, что большинство людей хуй знает что) на колени. А уж тем более, даже и не перед этим конкретным хуй знает чем, а перед более чем хуй знает чем, то есть целой абстракцией: народом иль нацией. Это всё такой адской хуйнёй отдаёт, что посмотришь на каких-нибудь американцев чи европейцев, целыми футбольными командами и полицейскими отделениями валяющихся пред черномазыми на колени, что об одном лишь и пожалеешь. Что черномазые их тут же в рот не ебут. Ну и, само собой, жопу. Куда без этого. И после сего не режут. А также их жён, подруг и детей. И вообще всех белых заодно, кроме тех, которые излагают некие соображения. Которые в данный момент подошли к концу. Потому что тема скучная, подлая и много ль тут ещё скажешь. Единственное, что на колени можно вставать, пожалуй, лишь перед правдой, её красотой. Но это было бы нескромно - вставать на колени перед самим собой. Скажу более, это бы даже некоей манией величия попахивало. Поэтому, друзья мои, не надо вообще вставать на колени. Иначе как с целью получить сексуальное удовольствие. Не знаю, может они таким способом получают?.. Куцее наслаждение, должен сказать. Так как недоведённое неграми до полной реализации. Только поэтому. Проклятые негры! Как и все, с пелёнок подразумевающие доброкачественность и полноценность себя, заслуживающего уважения. И безмятежно необеспокоенные в целой дальнейшей жизни это чем-либо подтверждать. Окромя игры желваками. Внутри своих, которые стоят перед неграми на коленях. О, умоляю, понимайте моих негров широко! Так же, как и американцев с европейцами. Иначе я расплачусь от вашего недопонимания. Русские и сингапурцы. Эссе о психологии. Мелкие, но меткие психологические замечания! Не пошли бы они на хуй. Также, как и крупные. Так же, как и ещё более крупные выводы, следующие из них. Ёбанные знатоки душевных тонкостей. Психология, это говно. Сказал я однажды. И не разочаровался. Потому что психология - это уловка. Какая на хуй психология. Если человек говно. Вот и вся психология.

Эссе о психологии закончено. Я романтик, без сомнений. Их себе засуньте в зад. Если ж не без осложнений. Вам помочь я буду рад. Также - поводу наесться. Да вот эту песню спеть: Хочешь жить - умей вертеться, хочешь срать - умей кряхтеть. Не стесняйтесь меня! Все мы люди, чо там. Лишь сажайте зелена, да детей растить. Как Толстой, мой любимый писатель. Он был самый великий писатель. До меня. Друзей в жопу не ебут. Это придумали не друзья! Друзей в жопу не ебут? А куда их ебут? Да куда угодно! Куда им желательно! (Хоть жопа, естественно, в этом перечне не из последних.) А иначе какие ж это были б друзья?.. Это были бы, так..., какие-то посторонние люди. Которые, якобы, всё делают вместе, а главное, то есть ебутся - каждый на своей стороне. Это же была бы просто какая-то напроць фальшивая хуйня! Короче, все, кто кого хочет ебать - пусть ебут друг друга! Тем более - друзья! Эти - в первую очередь! Кто тебе сказал, что ты писатель? А кто тебе сказал, что ты читатель? То, чего не понимают и никогда не поймут «молодые». Это то, в чём неизмеримое богатство «старости». У которой, как они считают, кроме дряблой кожи и трясущихся рук, ничего нет. А огромной улыбки подо всем этим они никогда не увидят. Так не будем же и объяснять им напрасно. Человек не только кончает посредством хуя, но и ссыт им. Кстати сказать. И не только ебётся в жопу, но и из её срёт. Что далеко не предел универсальности. Так как курица ещё более ладное существо. Так и я, когда еду за книгами, попутно покупаю еду или продлеваю лицензию охранника. И все мы следуем мудрым законам природы. Как называется редуционный механизм меж богом и нами. И как причастен богу тот, которому отчётлива мудрость полифункциональности. И то, что она - универсальный закон. Говорящий нам - стоит лишь вдуматься - о том, что не нужно много инструментов для разных дел, а, в пределе, достаточно одного. Каковой есть разум. Не жопа, увы, как мог бы подумать читатель, уже несколько знакомый со своеобразностями нашего мышления и письма. О, мой читатель! Несчастный ты мой человек! И за что тебе я? Хорошо хоть, что тебя нет. Для меня хорошо, не для тебя. Потому что где бы я был, если б ты был? Если б ты мог приблизиться ко мне? Ведь поскольку хоть на несколько сносное в этом наилучшем из возможных миров надеяться не приходится, надо признать, что не ты был бы там, где я, а я - там, где ты. То есть, не в стремительно и мощно входящем в твою жопу моём жизнеутверждающе пылающем хуе, а в тухло и нудно выползающем из неё, причём, без всякого посредничества с моей стороны, оно бы то ещё ладно!, твоём скучном тёплом говне. Каковое, если взять его строго буквально, надо сказать ещё золото рядом с тобой. Мой дорогой

человек. Наверное поэтому у меня лучше всего и получается разговаривать с покойниками. Они, правда, и при жизни ничего не отвечали, но после смерти, по крайней мере, их молчание выглядит естественней. Настолько, что в нём я слышу намного больше, чем в их речах, пока они были, якобы, живы. Сегодня двадцатилетие со дня смерти моей жены. Которая разделила эту дату со Сталиным и Ахматовой. Как мне было не почтить подобными попутными размышлениями, пускай и столь разнородных, но по-своему, однако же, замечательных, своеобразных людей. Да никак было нельзя не почтить! Множество, множество плеоназмов. И прочих, словно бы сорняковых, фигур. Случаются и заимствования. Неужели я, кроме того, в столь знаменательный день не перескочу также на двадцать первую страницу? Да как не перескочить, поди перескочу. Надо просто писать всякую ерунду, как делают все остальные писатели, и перескочу. Оп-ля! И перескочил! Так, глядишь, и в ихий союз примут! Говорят, есть такой. Писатели-союзники! В ём. Единомышленники! Друзья-товарищи! Братья по перу! Перо большое, на всех хватает! Никто не в обиде! Как говорится: «Счастье даром и пусть никто не уйдёт обиженным!..» Кунаки! Акыны! Пьют кумыс! Кушают шашлык! Даром!! И никто вообще не уходит!! Хорошие, слушай, люди! Нехорошим бы даром не дали!! Жизнь справедлива! Ты людям и люди тебе! Люди тобой и ты людьми! Ты людей и люди тебя! Люди тебя, но ведь любя!! Ты людей, но ведь блядей?? Переделкино-пиздобзделкино! ЦДЛ!!! Где пиво пьёт милиционер. Интересно, что я этим хочу сказать? А хуй его знает. Разве всегда надо знать, что хочешь сказать? Надо знать, что хочешь сказать, а не что хочешь. Что хочешь выяснится в процессе говорения. Если уже хочешь, значит есть что. Беда лишь в том, что точно так же рассуждают все графоманы. Которым тоже, наверно, есть что. Какой-нибудь маленький кусочек честной мышинной правды! Да они нелёвки. А которые ловки, их шашлык не обойдёт. Слава богу, большинству из них путь и к кумысу не заказан. Мне первые больше по-сердцу. Странно ль это или закономерно - для человека с чистой душой? Единственный грех которого, да и то лишь потому, что вы так считаете, состоит в том, что он систематически ебёт всех вас в жопу! Но ведь это для пользы дела, братья мои. Любое, самое горькое одиночество лучше разбавления его друзьями, которым скучен Пруст. Что называется, к предыдущему. Нет ничего более жалкого на всём белом свете, чем арифметические правдолюбцы. То, что я делаю, выше поэзии. Даже лучшая поэзия кокетлива. Форма диктует ей условия. Под что бы она не пряталась и казалась. Так же, как и ожидания любителей поэзии, знатоков-критиков и менторов-патронов. Друзей, блядей. Которые

слишком часто лучше друзей. Я не кокетлив. Потому что я не завишу от формы и чьих бы то ни было ожиданий. Но лишь от естественным образом подразумеваемой соразмерности (бóльшая часть которой навсегда останется скрытой даже от самых пронизательных и доброжелательных соседей по месту пребывания автора). Понимания полного ничтожества чрезмерно большого количества жизней. И желания никоим образом собою не увеличивать ещё это число. Что, наверное, всё-таки лишь некий, маскирующийся под совестливость довесок излишних опасений. Подобный просьбе не пронести чашу мимо, несмотря на наличие знания о том, что чаша мимо не будет пронесена. Письмо другу. Мнения «друзей» «друг» о «друге», совсем не смотря на абсолютную разницу позиций по всем направлениям, бывают удивительно одинаковы. Так, я более чем уверен, что в нашем диалоге, которого на самом деле нет (да и в целой жизни не было), ты представляешь себе неким тяжеловесом, одной левой и со смущением от осознания собственной преобладающей силы вынужденным лениво парировать какие-то жалкие наскоки с моей стороны. Вот представь себе, что я вижу всё так же, за тем исключением, что с твоей стороны это конечно не наскоки, но такие бархатные властные предельно уверенные движения, а с моей... да я даже левой ничего не делаю. А ведь никому из самых ничтожных людей не заказано из этой ничтожности выйти, признав её. Но потому-то они и ничтожны, что не способны на это. Я не хочу тем самым сказать (по крайней мере - не здесь и сейчас, так как я в этом не до конца уверен), что ты абсолютно и безнадежно ничтожен, но какая разница: какая степень, стадия недостаточности должна была бы таким образом быть преодолена? Нет, это не то же самое, что сказать: «Я ТОЖЕ долгое время примерял шапку гения, а потом понял, что её не примеряют. Я ТОЖЕ кому-то там завидовал.» Это, допустим, признать, что мимо чего-то в своей жизни ты неоправимо прошёл, допустим, мимо ума, который позволил бы тебе, для начала, понять, что говорить ТОЖЕ в подобном контексте – это столь невинно обнаруживать его... скажем так, невзрослое состояние, одновременно с обнаружением отсутствия всякого такта, минимальной вежливости и деликатности в отношениях - коли бы уже оно именно так и было (если ТАКАЯ трактовка и соответствующий степени её зрелости способ излагать свои соображения форпост твоих возможностей)... а для конца – позволил бы сделать необходимые в области нужного и дóлжного в целом, выводы. Ум это призванность. И волевое усилие. Если нет ни того, ни другого, не надо говорить, что вообще возможно хоть что-то. Хоть в какой-то степени. Ни в какой степени и ничто не возможно. Ум - это не хитроумие. И

не истерика, запрятанная ещё с младенческих времён. Ах. Все вы колоссы на глиняных ногах. Не истину вы любите, а себя. А истину вы отрицаете. Потому что вы малы для истины. Не правда ваше дело, а правдоподобие. Правдоподобие, тяжёлое безделье. Всё уже действительно давным-давно сказано. (Кроме того, о чём ещё я не успел сказать.) Особенно о том, что многознание уму не научает. (Не те знания = **не знания** не научают ему.) И всё дело в том, что именно вот это-то из знаний знание - никакому знанию вас также не научает! Ум, на самом-то деле, в принципе, изначален. И именно он ориентирует, направляет на нужные знания. Если ты прошёл мимо них, значит и не было у тебя никогда никакого ума. А глупость способна совершать огромные подвиги лишь в деле маскировки себя. Только всё это совершенно напрасно. Она способна спрятать себя только от такой же глупости. Но ваше мнение простое: если я не способен на что-то, значит и он не способен. Если же я, одновременно, способен прятать свою глупость - то же делает и он. Только он не способен. В деле прятания своей глупости он менее способен, чем я. А поскольку он менее способен - буду говорить с ним как власть имеющий лучше прятать её! И это то, что вы знаете, но не слушаете, так как внутри тихо поёт: я не гений, я не гений, зато я гений в признании себя не гением! И вот это - то, что вы слушаете, да. А нет чтоб каким-нибудь делом заняться. Допустим, себе горбатуму хотя могилу копать. Нет, мы лечим зубы и геморрой. И это при невылеченных-то мозгах! И ждём, когда на верёвке нас жизнь приведёт к этой яме. Со здоровыми зубами и отличной жопой. Которая здесь впервые, наконец, выныривает, спасибо контексту!, без привычных авторских коннотаций. Уж что делать! Вдруг оказалось, что те же самые, ни в чём не виноватые места, в силу лишь неприязненного к их хозяевам моего отношения - неприятны для меня! Не странно ли, что так, оказывается, бывает? Хотя и противоречит сказанному поэтом. Анальное, анальное отверстие! Ты - центр Вселенной, Рая провозвестие! Ты - третий глаз, которым зрими духи! Прекрасно ты, наверно, и у мухи! У стариков, старух ты расчудесно! По правилу: что влезло - то полезно. У маленьких детей, у дев наивных, У пидорасов, в этом неповинных, У паровозов и у пароходов, И, даже, у, во всём ином, уродов! Когда в тебя вонзаешь член железный, Процесс тот ощущаешь, как полезный. Вот мнилось мне, что здесь - без исключений! Ан, нет! Случаются исключения! Издавна долетали до меня смутные звуки, что большинство людей дрянь. И я удивлялся смелости доверявших подобные мысли звукам, находясь при этом почти всегда в окружении именно большинства. А не меньшинства. Хосспади. Сколько там того меньшинства. И на окружение не

хватит. И лишь потом я понял, что те, что из большинства, ведь и не способны слышать осмысленные звуки. А лишь подобные собою издаваемым. То есть мычание, урчание, рычание, лай, рёв, шипение, бляение, писк или молчание. Так что безопасно. «Название своего романа Оутс взяла из идеи Эдгара По о том, что для преобразования мира и пути к бессмертию надо написать абсолютно правдивую книгу под названием «Исповедь моего сердца». Ага. В которой само название неправдиво. Ты перед кем исповедуешься? И в чём? И зачем? У тебя же нет подлинно великих целей. А ведь, так называемая «исповедь» это, как бы, то есть, вроде бы как - нечто великое? И как же ты тогда можешь её начинать с подобной вульгарной штамповки? Вслед за Эдгаром По? Которому тоже непростительно. Каким бы уж он там разромантиком не был. Исповедь сердца! Да ещё моего! А не твоего, почему-то. Нет. А эту книгу в таком случае надо было бы называть «Ебал я в жопу всех, которые уклоняются от своего священного человеческого предназначения». То есть, если короче: «Ебал я в жопу всех!» За исключением Александра Огаркова. Но это я, впрочем, уже объяснял. А сейчас я ещё кое-что объясню. Учить мыслить, это не то же самое, что мыслить. Учить мыслить тот, кто не способен двигаться дальше, потому что боится идти один. И на этом рубеже он топчется с толпой восхищённых учеников. Которые тоже весьма неплохо научились учить мыслить. И в итоге - их много получается, подобных акушеров. Лишь рожать по-прежнему некому. Потому что как рожать можно лишь самому, так и мыслить можно лишь одному. Акушеры же - из разряда подспудных средств, в числе коих всё что угодно другое, весь комплекс обеспечивающих человека на пути к чему-то существенному условий. И далеко не главное из всех условий возможности движения в этом направлении. А чаще всего они и вообще не нужны. Потому что природа и сама уже заранее обо всём позаботилась. Природа вещей естественно, какая ещё природа. *Natura naturans*, ёб вашу мать. Мысль бога, а не трепещущий лепесточек. Который от камня ничем не отличается. До тех пор, пока в целое не включён. Так что не надо трясти перед моими глазами своими дипломами, делая при этом вид, что вы ими не трясёте. У ангелов нет дипломов, следовательно вы не ангелы. Кроме того: что в вас хорошего-то? Если вы можете только вздыхать, да охать? И лишь когда растревожены подобными замечаниями - начинаете превращаться из условно миролюбивых учёных морских свинок в злобно огрызавшихся и уже ничуть не учёных хорьков. Показывая тем самым своё истинное (постоянное) лицо. Бдительно дремлющее под дипломом. Господи ж ты боже мой! Если вы считаете себя такими интересными и хорошими, то почему с вами настолько

скучно и безысходно! Как говорится, что с вами не так? Может, вот всё именно такое подобное происходит с теми крестьянскими или мещанскими детьми, которым надо было просто продолжать пахать землю и торговать бакалеей? Они думали, что научатся чему-то и станут чем-то. А в итоге, научились ничему и стали ещё бóльшим ничем. «Сижу и плачу одинокий, не зная, как сюда попал.» Если бы! А то ведь, как правило, чем больше нуль, тем толще контур. В общину! К станку! За прилавок! И всё станет хорошо. Нормальные люди, отступившие перед жизнью, утратившие к ней пыл, уходят хотя бы в (так называемый) разврат. Не знаю там, в пьянство, какие-нибудь блядские путешествия, развлечения... Вы и на это неспособны, а всё на что - это лишь длить тоску. Эй! Ребята! Зачем вы здесь? Ни богу кочерга, ни чёрту свечка, ни в красну армию и вовсе никуда. А вот манипулировать хитровыспренними, особовыстроенными (подразумевающими немыслимое глубокомыслие и соответствующее его степени личное достоинство) терминологическими конструкциями, на это вы горазды, да. В которых всё найдёшь, и небрежный павлиний апломб, и (столь же тщетно, и старательно) маскирующую его слоновью игривость... И кучу белых, во все стороны, нитей. Лишь предполагающееся содержание в обнаружении как всегда задерживается до каких-то там лучших никогда не имеющих состояться времён. Но это не беда. Потому что это не так. А просто уровень компетентности должен быть очень высокий, чтоб судить о таком глубоком и сложном содержании. Если нет уровня компетентности, человек просто этой глубины не видит. Судя вкривь и вкось то, чего ему не дано понять. Потому что Хрюшу Фитюшина понять, это вам не Канта с Гегелем! Ведь как он вымучивает из себя всю эту псевдоучёную галиматью, высасывая из пальца то, чего и отродясь не бывало! Никакому Шопенгауэру не снилось! Но если бы, набравшись энтузиазма (инспирированного здоровым человеческим интересом, злостью и смелостью, необходимыми в качестве главного условия возможности достижения знания), вместо своего мёртвого пальца он что живое вознамерился пососать, я бы, может, первый и протянул бы ему! И даже не непременно бы это сразу был хуй. Там и везде бы что-нибудь, глядишь, обнаружилось. Из того, то есть, 1. откуда и 2. что можно высосать. Да откуда и что угодно! Понятно, что он не хочет. Потому что не может. Так как серьёзный человек. А я - несерьёзный! Но если бы это случилось, тогда этот серьёзный человек бросил бы, может быть, заниматься всякой привычной ему хуйнёй и узнал, наконец, что-нибудь непривычное. От которого до подлинного один шаг. Ты пойми, я же не хочу тебя. Но лишь жертвую собой. Несмотря на всю безнадёжность.

И данной. И слишком многих прочих подобных ситуаций. Искусство - единственный инструмент исследования реальности. «...истина может быть выражена только эстетически... Только когда идеи являются поэтическими, они становятся глубокими и выражают реальность.» Как об этом сказал Томас Мур. И много кто из знающих людей. До, одновременно и после него. А он мне лишь подвернулся. И это то, что ты и подобные тебе никогда не понимали и не поймут. Продолжая карабкаться в своих конструкциях. Мне стало бы жалко тебя, если бы ты перестал корчить из себя нечто самодостаточное. А так мне не жалко тебя. Ты заслужил отсутствие у меня к тебе жалости. Потому что все вы предатели. Вслед за собой - бога и всего остального. Вы же глубоко несчастные люди. Зажатые, зашоренные. Душевно необразованные. Да и, несмотря на любое количество знаний, умственно необразованные тоже. Вы знаете, что не нужно, а что нужно - не знаете. И боитесь узнать. Допустим, вы боитесь узнать, что вы трусы и бездари. А ведь узнать это - получить единственный шанс перестать ими быть. Поэтому - это и вообще единственное, что вам, для начала, надо бы знать. Сначала трусы, потом бездари. Это второе. Трусы в том, чтобы верить себе в том, что есть необходимость искать себя и есть надежда себя найти. И даже если нет этой надежды. А вместо этого вы начинаете выдумывать всякую хуйню. Подтверждаемую подобной же хуйнёй: признанием таких же как вы. А не таких, как те, которых вам скучно читать: Данте и Гёте. Которые слишком непосредственны и просты для вас. То есть, как вы - не хитровыебанны. Они просто творцы мировой культуры. Этого мало. Это не обязательно то. От этого не надо плясать. Как может быть не дураком человек, который так считает? А отчего он, опять же, дурак? Да всё от той же самой трусости. Он же не ставил, в силу её, перед собой задачу себя искать. Он ставил перед собой задачу защищать диссертацию. Конечно, наверное, это можно делать параллельно. Но мне почему-то кажется, что чаще всего такая параллельность оборачивается ставящей на главном перпендикулярностью. Слишком много глупостей рассеяно на этом пути, через которые безущербно не протащить себя человеку с душой: постепенно, по частям, там, сям - на колючках, крючках вся и останется. Совсем внизу - не особенно проще, но тут хотя бы не надо сверх меры кривляться и подстраиваться, достаточно помалкивать, да делать своё. Не ведомое никому. Хотя и это не главное. Где проще где нет. А лишь где честней. Смелей, презрительней. Отчаянней. Может быть, в каком-то смысле безнадежней. Опасней. Но, кстати, несмотря на всё это, прекрасней. То есть, там. Там та рам, там, та рам. Там. За облаками. Где спасение души. А не вшивая статусность. То есть, статусность

вши. Ладно. Что-то я разболтался о простом. Всё равно оно останется для вас за семью печатями. Это ведь не понимать, это знать надо. Впрочем, как и всё остальное. Вся штука в том, что люди уже познали всё, что можно было познать. Но при этом не познали главного. Того, чего нельзя познать. Но что познать надо. Но это не познаешь путём, которым познаётся всё остальное. Надо верить только откровениям. А много ли среди вас таких, которые с ними случаются? Поэтому вы продолжаете рассуждать. То есть, строить, в лучшем случае, детские предположения. Которые основываются на том, что всё должно быть хорошо. Даже если предположения печальные. Лишь бы самоуважение не угасалось. Так я вам скажу, что в этом смысле будет всё плохо. Потому что и концепции ваши закругленные говно, и сами вы высокомерные пидерасы. И разве не поэтому с вами не случаются откровения? Посмотрите, как всякая тварь сражается за свою «честь». Как будто она есть. В то время, как есть лишь скорлупа. А под ней пустота. Вот за сохранение этой пустоты тварь и сражается. Скорлупа - жёсткая и колючая. Снаружи. И мяяяяягонькая внутри. Чтобы пустоте было удобно. Вы и есть она. Вам и удобно. И это ваша первая и последняя суть: сохранение своей «чести». Но не правды, увы. Которая для пустоты неудобна. Которая должна войти туда, где пустота. И которая туда никогда не войдёт. Для чего скорлупа и припасена. Называемая честью. Которую самые бесчестные более всех и кичатся. И которые от правды поэтому также далее всех. Формальности вишь для них самое важное. А разве откровение это нечто формальное? Так как же оно может случиться с пустотой, которая сидит внутри скорлупы? Разве пустота взыскует, труждается, обременена? Разве для неё сказано Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обременѣнни, и Азь упокою вы? Разве она уже, сама собой, не упокоена? И хоть и упокоена она покоем никогда не жившего покойника, но ведь ей больше не надо! Разве ей надо Вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моймъ: и никтоже знаетъ Сына, токмо Отець: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волишь Сынъ открыти? Разве ей надо возмите иго Моё на себе и научитесь от Менё, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ? А что ей покой обретать, коли он с ней изначально? И разве у неё есть душа? Которой что бы то ни было надо обретать? И поймёт ли она, отчего иго - благо, а бремя - легко? Она лишь будет знать всегда, что лучше вообще без всякого бремени! Как с ней было всегда и как с ней всегда будет. Достаточно для этого быть лишь словом. И ничем, на что бы указывало оно. «Те, кто вопреки моему мнению о себе имеют обыкновение утверждать, будто то, что я в своей натуре называю искренностью, простотою и непосредственностью, на

самом деле - ловкость и тонкая хитрость и что мне свойственны скорее благоразумие, чем доброта, скорее притворство, чем естественность, скорее умение удачно рассчитывать, чем удачливость, - не столько бесчестят меня, сколько оказывают мне честь.» - Это просто рациональность: какой смысл распинаться перед пустотой или давать ей знать, что считаешь её таковой? «Но они, разумеется, считают меня чересчур уж хитрым, и того, кто понаблюдал бы за мной вблизи, я охотно признаю победителем, если он не вынужден будет признать, что вся их мудрость не может предложить ни одного правила, которое научило бы воссоздавать такую же естественную походку и сохранять такую же непринужденность и беспечную внешность - всегда одинаковую и невозмутимую на дорогах столь разнообразных и извилистых; если он не признает также, что все их старания и уловки не сумеют научить их тому же.» - Эта естественность проистекает от постоянного взаимодействия с истиной, но не «людьми»: пускай «люди» считают, что тот, кто её столь естественно проявляет, проявляет её по отношению к ним, и, следовательно, человек «хороший». Так безопасней для «хорошего» человека и вообще единственный способ, находясь среди «людей», делать дело человека. Не надо даже прятать от них своих занятий: при постоянной доброжелательности по отношению к ним и, вместе с тем, достаточно экспрессивно, периодически, обнаруживаемой приверженности их скудоумным обычаям и нормам, максимум что они сделают, это совместно успокоятся на том, что «он» «не без странностей». «Но человек хороший.» «А кто без странностей?» «У всех есть свои странности.» «Даже и странно ведь было бы, если б у кого-то уж вот прямо совсем не было странностей!» Эх вы мои зверушки. Ничуть не прощаемые мною. Потому что были замыслены другими. И что совместно замылили. Цепляясь друг за друга и друг на друга карабкаясь. Карабкаться-то вы, положим, карабкаетесь... Да разве туда? Где можно лишь быть или не быть. А если вас там изначально нет? Так не не хуй ли и пытаться? И таким вот образом быть или не быть и нет вопроса. Так как вас и уже нет, да и никогда и не было. Да и никогда и не будет. Так как то, что есть, оно уже есть. «Фанатизм - это страсть к истине, доведённая до воспалённо-болезненного состояния. Вот почему фанатизм - и религиозный, и партийный, и спортивный - всегда противостоит подлинной культуре...» Говорит писатель Евсеев. Страсть к спортивной истине. Как оно вам? Которых нет. То есть, подлинная культура - это когда есть спокойное, вдумчивое рассмотрение спортивной истины. Ну там или партийной. Или под каким углом затачивать коньки. Главное, чтоб без болезненной страсти. К истине. Затачивания коньков. Всё

так. Дураков на Руси немеряно. Другие страны меня меньше интересуют. Я патриот. А чё? Спокойный, вдумчивый такой патриот. Не фанатик. Истиной надо жить. Истиной надо быть. И идти к ней внутри неё самой, а не откуда-то извне. Это и есть истина. Мой драгоценный писатель Евсеев. Также как и все прочие драгоценные писатели Евсеевы. Которые, изнутри себя самих ходят к заточке коньков. Включая данный процесс в сферу подлинной культуры. Писатель Евсеев знает, что такое подлинная культура. Правда, при этом не знает, что такое Хайдеггер. Иначе бы он обратил взор на этимологию слова подлинный. И тогда уже поосторожней откровенничал об уравномеренной страсти. «...уж как Фёдор Михайлович поносил поляков! Однако немалое их число летит и летит, как мотыльки на огонь, на пылающий фонарь его и сейчас работающего мозга...» Уж как я поношу Евсеева! Однако Евсеев ничуть не перестаёт озадачивать также и мой мозг, причём совершенно одновременно с тем, как до сих пор работающий мозг Фёдора Михайловича приманивает польских мотыльков, летящих на его пылающий фонарь. Такая, друзья мои, соразмеренность во всём! Соразмеренность и гармония! Евсеев, Фёдор Михайлович и я! Чего ещё пожелать! Нужен ли здесь кто-то ещё! Нет! И ещё раз нет! Никто здесь больше не нужен! А и более того - кое-кого можно бы даже и исключить! А именно - Фёдора Михайловича и меня! Потому что не хуй тут нам делать. Правда, Фёдор Михайлович? Да! Отвечает мне он. И я сразу же понимаю, что и на этот раз он меня ничуть не разочаровал. Да и в самом деле. Возьмём даже какое-нибудь говно. То есть, «обычного» «человека». Который (-ое) говорит. Кто тебе сказал, что ты великий писатель. И ничего не ответим ему. Потому что он меня тоже ничуть не разочаровал. (Ах, что-то ничто меня в последнее время не разочаровывает! Не могу, правда, сказать, что очаровывает как-то особенно. Но хоть не разочаровывает. И то ладно.) Наверное, он читает великих писателей. Наверное, он понимает великих писателей. Потому что любит родную литературу. Потому что понимает мировую культуру. Так как имеет призвание ко всему этому. А, тем самым, и инструменты об этом судить. Наверное, поэтому, он и сам, грешным делом, великий писатель. И вот, с высоты этой-то позиции он мне и говорит: «Кто тебе сказал, что ты ТОЖЕ великий писатель!?!» А мне ведь и в самом деле - никто не сказал. Вы принимаете существование мира как данность. Вы действуете в нём (внутри него), и вас это устраивает, у вас не возникает вопросов о том, что вы лишь куклы, включённые в чью-то игру. Даже если это что-то безличность. И это есть главное доказательство того, что вы только животные. Куклы-животные. Живые куклы. Но уже одна только эстетическая сторона моего существа не

позволяет мне причинять вам страдания с целью получения от этого удовольствия. Мне всегда было отвратительно это ещё более, чем вы сами. Я и в детстве никогда животных не мучил. Потому что даже кукла, если она живая, должна вызывать сострадание. Что с того, что сама она не понимает своего положения. Зато есть тот, кто хорошо его понимает. Есть тот, кто хорошо понимает положение абрамовича. И поэтому будет искать самую живую из кукол на помойке. О да! Он - тот, кто наконец принял буквально завет Хайяма «лучше быть один». Грустно только, что шансов и на помойке обнаружить нечто скрипя зубами приемлемое не густо. Хотя и несравненно больше конечно, чем на сверкающей яхте в средиземном море. И всё равно до ужаса мало. До ужаса мало. И это уже... мы знаем, чьё положение. Кто в мире подлинно одинок? Кто создал мир. И, претерпевая время, не помнит об этом. Хорошо ещё хоть, что попутно он не отобрал у себя возможности наслаждаться временем, прозревая сквозь него вечность, с которой до времени разлучён, а не только страдать, прозревая. Потому что, как говорится, на хуй мне ваши страдания. Когда и своих хватает. Как я всё это сделал. А потому что до меня было что-то ещё. Мои возможности. И когда я понял, что они у меня есть, я их реализовал. Вот теперь есть всё, что есть. То есть, по сути меньше, чем было до тех пор, пока ничего не было. Но.. разнообразней что ли. Глупей и занятней. Точно ваш один писатель сказал: постигши мудрость - решил рассмотреть глупость. Парадигма. Не только, в том числе, для людей. Нет ли в ней наконец исхода из одиночества. Все мы падаем. И я тоже упал в мир. Чтобы потом, спохватившись, попытаться извлечь себя из него с помощью сына моего внутриутробного. То есть, лишь одни глупости я и делаю. Одними покрывая другие. Но иначе было хорошо в достаточной степени для того, чтоб не желать лучшего. Чёрт его знает. Я ведь и сам не знаю. Жизнь это эксперимент познающего. Отец породил детей. Но отец не властен над ними. Теперь они сами в каком-то смысле отцы. Не друг друга, о нет, но чего-то большего. Приглядимся к некоторым из них. Глупость правит миром. Значит, князь мира глуп. Такой парадоксальный для глупцов вывод. Которые ни за что с ним не согласятся. Так как им приятно считать себя, вслед за ним, умными. Хотя, зачастую, и вовсе не кончавшими институтами. (Есть и такие, кроме кончавших.) Они придают этому слишком большое значение. Не желающие знать правду. А потому и все свои в том числе так сказать подвиги вершащие из извне себе внушённых соображений. И лишь крайне нечасто эти подвиги совпадают с правдой. Но то, что они с ней совпадают, опять же, не заслуга тех, которые их вершат. Но случая. Я знаю также что мне могут сказать по поводу кошек и собак. Что

каждый из этих видов в процессе приспособления к человеку выработал собственную стратегию. И чувств собака, так же как и кошка, никаких не испытывает, так что кошка просто честней, а стало быть и достойней, беря своё за счёт благообразия, изящества, грации, короче всякой милоты. А собака за счёт подхалимства. Я конечно согласен с этим, так же впрочем, как и с тем, что собака, приспособившаяся через подхалимство, приспособилась как-то всё-таки чрезмерно выгравшись в него, и вот она умирает на могиле хозяина. Глупая собака. Как и я конечно, который тоже умру на своей. В то время как кошка умна и понимает: вовсе незачем умирать. Но вот собака производит на меня впечатление, в то время как кошек лишь за небольшим исключением я бы всех на всякий случай и при этом со значительным эстетическим удовольствием передумал. Не потому ли, что самодовлеющие грация и красота простительны лишь в случае неодушевленной природы? А одушевлённая должна обладать душой? И если она ею обладает, то и остальное не важно? О человек! Ты, в отличие от кошки, хорош нечасто, в то время как она, в средней температуре по вашей больнице, почти всегда хороша. Подобная штампованная безущербность ей, естественно, не делает чести, являясь отчётливым признаком полного и окончательного бездушия. Ближайшим аналогом чего среди людей служит сообщество высококлассных блядей. Но не полным. Потому что там работает одна природа, а здесь ещё, так сказать, искусство! То есть, всех сортов (химический, психологический, психопатологический и... какой только ни есть) макиаж. Простите меня за столь для меня непростительно последовательное и долгое рассуждение. Какие МЫСЛИ сообщает нам этот всемирно региональный дублинизированный балбес? О Шекспире? Увольте.) Это - НЕ мысли. Это симптом необходимости для данного автора в клизме. (Которую судьба его-таки безжалостно обошла.) А мысли, это вот что. Я думал, что выпил за свою жизнь много. А когда увидел, что это лишь треть железнодорожной цистерны, то разочаровался во всём. Потому что уважаемый как тебя там мыслить это быть лёгким. Дурак посмеётся и то хорошо. И вообще. Лучше не трубить о своих добрых делах. Если люди заметят, поставят тебе в двойную заслугу, а не заметят - всегда найдётся способ им случайно напомнить. Абракадабра. Арбадакарба. Рыбара. Вся свобода их выбора - абракада братыбора. Що робите, брати? Нічого. Лично кончил. Ой, а кто это у нас тут такой халёсенский? Кто тут такой малёсенский? Кто это такие пузырики пускает? Всю-то свою жизнь? Он. Легион. И бог в небесах, и черви в говне, и мера в весах. И эти. Нигде. Потому что они гопники. Ой, а кто это у вас, марья ивановна, родился на свет появился? Да гопник, как и папаша

ево. Это эратив. Скажу хитрое слово. А то я обычно не говорю-то хитрых слов. Вот кто подумает, что простой. Даже бог лишь единожды извлекает себя из небытия. Моё дело - сделать. А когда до этого доползут - не моё дело. Сложный запах жилищ. А теперь я смотрю на одинаковых дур с сайтов знакомств и думаю иначе. И на людей вокруг. И все-то тайны их детские и запахи однообразные. И нету у них никаких запахов и тайн. Одно лишь ничего не значащее внешнее разнообразие. Лишь только в сексе они (некоторые из них) и достигают своеобразия. Вот это и есть, пожалуй, наиболее в них человеческое. Буквальные животные в этом более единообразны. Целенаправленно. Цель, к которой нечто направлено, такое ж ничто, как то, что к ней направлено. Да отсюда ж ему не видно. Как и оттуда. Никогда и ничего. Не видно и не ведомо ему. Никому и ничему. Ох, да я скорбеть на эту тему не стану. И тем более по этому поводу. Здесь, у нас - каждому предмету своё гнездо. Тарту на столе говну в унитаза. Скажу вам как городской житель. Имеющий удобства. А будь сельский. Уууу. Тут и сравнения были б иные. Говну сказал бы тогда я место в земляной яме! Уж сколько их упало в эту бездну. Повторюсь. Как можно упасть - откуда не вылезил? Она, конечно, имела в виду не эти отходы. Они лежат - где всегда: всюду. Флуктуация - на полях. Нормальное - сбоку. Припёку. В центре - чётким шрифтом - пустота. В мире которой настоящему дозволено быть не иначе, как в шутовском колпаке. Приплясывая на окраинах, вырубленных топором. Зато уж она-то привольно ваяет свои незабываемые пазыри. Столбовая дорога! Для худшего лучший - худший. Поэтому в мире так мало худших. Кто поглупей - тот поглавней. Влагилице... Чистилице. Чудовище. Страшилище. Странно. Пристанище, обиталище, ристалище - уже ничего. Искупил грехи мира! Так, стало быть, нет больше грехов? Но при этом проклял инжир! Все самые тонкие, далёкие, глубокие интуиции великих реалистов à la Montaigne ничего не стоят без наличия у них метафизического (врождённого, простите) начала. Они делают точные наблюдения, но не способны вывести из них никаких мало-мальски серьёзных обобщающих заключений. Вершины их мысли это разнообразные пустые и пресные констатации, только и доступные для обозрения с их низкого горизонта, с которого земля по-прежнему плоская, а звёзды светят не ярче, чем тем, которые сжигают ведьм на кострах. И это несмотря на то, что они не относятся к числу тех, которые их сжигают. Да. Ведьм-то они не сжигают. Но и подвигов превосхождения собственной природной ограниченности тоже не совершают. Они бесконечно топчутся всё на одном и том же месте, занимаясь своим добросердечным балагурством, вместо того, чтоб сосредоточиться не на том, что у них есть, а на том,

чего нет и возжаждать обрести хоть малую частицу этого. Они говорят о Сократе, но не говорят о Христе. В то время, как если бы они уже сейчас пошевелились, то в следующий раз, либо даже задним числом (ибо, как известно, для бога нет ничего невозможного) были рождены оттуда, откуда надо («истинно, истинно вам говорю!..»), и именно для того, чтоб отныне не переливать из пустого в порожнее. Вот вам и вся свобода воли. Либо человек смиряется перед тем, что есть и в нём обустроивается, либо даёт в себе дорогу жажде и вере. Потому что жажда и есть доказательство наличия того, чего не хватает, и мостом к чему служит вера. И она всегда есть, только трус ей не верит. Канализируя её во что угодно пустое. При этом говоря: кто я такой, чтобы!.. Или: кто ты такой!.. Чаще - второе. Кто ты такой, чтобы говорить мне, кто я такой! А кто ты такой, чтоб не верить тому, кто говорит тебе, кто ты такой!! Покуда не будет пришедшего ниоткуда, ничего не будет. Почему автору известен способ возникновения мира? Потому что он знаком ему. Это предел; тайна возникновения, как того, так и другого, никому не известна. Если бы мне был известен, кроме того, лишь человеческий разум. Я бы не дерзал на столь наглые утверждения. Сквозь мутное стекло. Сказал кто-то. Не очень чтимый мною. Ну.. более или менее. Мутное. Но он не сказал, что иногда и без всякого стекла. Значит, он не знал этого. Что сознание человека, дающего себе труд использовать его возможности, рано или поздно в той или иной степени будет инкорпорировано во что-то большее, чем оно. И что первая из этих возможностей - в них верить. И что отсутствие этой веры - главное, что препятствует их использовать. Потому что до веры в Христа надо верить в себя. А иначе и вера в Христа - в неверящем в себя - будет стоить ровно столько, сколько стоит тот, кто не верит в себя. В себя = в то, что ДО себя, БОЛЬШЕ себя. Не в нечто, что однажды удосужилось пискнуть "Я" и с тех пор питает не переставая. Орёт, блажит. Капризы множит. Многомиллиардноединообразно ничего, кроме этого "Я", звать не желая. Какой вам Христос. Разве Христос пришёл к праведникам, как вы? Которые себя (про себя) считают такими. Он пришёл к грешникам. Которым вы считаете меня. И который себя таким не считает. Как и праведником - на ваш кондовый фасон. Но вы не знаете, что он сам к себе пришёл. Прежде, чем приходить к кому-то ещё. И этот кто-то лишь опять же он сам, приходящий к себе в каждом, кто он. Я писал это без вдохновения. Поэтому я недоволен собой. Я просто проговаривал то, что знаю давно. Я для себя здесь не делал открытий. Это всё очень хорошие люди. Пока не скажешь им, что они плохие. Когда они правду слышат, они сразу же становятся плохие. Вот это уже я значительно лучше сказал.

Книга «Тайная жизнь пчел», Кидд Монк, 587 руб. Читал эту книгу в предыдущем издании. Такая милая белиберда. Что-то для девочек. Но воспоминание, как не странно, осталось. Это как посидел на дереве в качестве канарейки, посвистал сам и послушал другую. Канарейки же наверное где-то и на деревьях сидят, не только в клетках? Что-то там, помнится, было о сложных взаимоотношениях с нехорошим отцом. Ой. Вот хотите, я всем девочкам посоветую, как сделать сложные взаимоотношения с отцами простыми? А отцов - хорошими? Отцы - они ведь, прежде всего, кто? Мужчины. А что всем этим кобелям надо? Вот то-то и оно! Убудет от вас что ли? А отцы, напротив, очень даже будут рады! Рекомендую эту мою рецензию переслать непосредственно в следственные органы! Слава богу ещё, что у меня нет дочери. Вы хотите знать, как зарождаются великие мировые религии? Нет конечно. Но я всё же скажу в эту волшебную пустоту. Да из точно такой же подлости, в основном. Как и та, которая делает для вас несущественным вообще что-либо знать. Из того, что существенно. И что, поэтому, знать нужно. ...откуда появляются мировые религии - это не важно. Потому что из муравьиной суеты они появляются. Важно - откуда появляются те, имена которых вы пригвождаете к вывескам этих религий. И которые к этим религиям не имеют отношения. Как и вы - к тем, именами которых ваши религии нарекли. Ведь вам оттуда, откуда они появились, не появиться. Иначе бы вы хотели появиться оттуда. И тогда вам был бы не нужен пастух. Достаточно было бы одного отца. Чтоб не разбрестись и не заблудиться. Потому что самому пастуху не нужен пастух. И пасти для него естественно лишь себя самого, да буквальных овец. Не метафорических. Овца родилась овцой. А человек-то родился же человеком! Почему ж он повсеместно овца? Для лишь сугубых: безопасности, самоуважения (= самоумиления) и выгоды (всё - примерно в равных пропорциях) натягивающая сплошь и рядом на себя шкуру то волка, то... какого-нибудь козлёнка? А то и какой-то совсем иной, на этот раз гордой и породистой, сволочи. То есть, шкуру того, в общем-то, животного, которым принято умиляться, восхищаться, чаще же всего - которое тебя сожрёт без затей? А потому что он раб по природе. Что намного хуже любого буквального от природы животного. И ему нужен начальник. Он раб, он женщина. Несмотря на все свои пудовые кулаки и килограммовые желваки. А копни-ка его поглубже. А там маленький хнычущий мальчик, которому нужна мамина титя. Аналогом чего в его «взрослом» состоянии служит пися начальника. В принципе, какая для него разница - что сосать. Нужен начальник. Мама. Христос. Будда. Тренер. Сосед. Вор. «Научный» «руководитель»! Сам в себя даже ни разу при

этом не заглядывал. Ну правильно. А чего? Есть ли куда там заглядывать? Да поди нашлось бы, коли осмелился заглянуть! Да вишь, неинтересно. Да и боязно как-то. Хуй его знает, что там увидишь! А вдруг там одно сплошное говно! А жить-то после этого как-то же надо! Надо же будет это говно вычищать! А это же труд! А трудом-то мы привыкли называть, когда к дощечке приколачиваем дощечку. А не когда думаем. То есть, не когда уже додумались, что учиться думать начинать надо. Нет, лучше уж мы двигатель какой-нибудь переберём (изобретём) или бизнес раскрутим. Ремонт (какой-нибудь) сделаем. Снаружи. Внутри же его делать не надо, там никогда ничего не было. Но мы об этом договорились не разговаривать. Так его там как бы и не должно быть. Ваша пустота - и есть то, о чём мы договорились не разговаривать. Хотя сосуд, который существует лишь для хранения собственной пустоты - отвратительная затея. Быть красивым ему не возбраняется. Да он не для этого был сделан. Он был сделан для чего-то более ценного, чем он сам. А он лишь самим собой чванится! Ему возбраняется быть только красивым. Ему возбраняется быть при этом пустым. У меня бы не было претензий к красивому выпотрошенному человеку, из которого сделали такое же красивое чучело. Но он абсолютно такой же как чучело и со всеми своими исправно функционирующими кишками. И даже чучело лучше. За его молчанием можно заподозрить глубокомысленность. А не эту адскую пустоту. Вот это страшно, а не шёпот из подвала. Потому что это и есть шёпот из подвала. Это и есть (и, подозреваю, что значительно изначально) осуществившийся замысел сатаны. И много ли на свете тех, для которых изложенное здесь не литература? Посмотрим на звезду. Из одного, невероятно ничтожного места в пространстве, которое отделяет нас от неё, каковых (как и соответствующих им расстояний) вокруг неё множество, не имеющее для своего обозначения никакого вразумительного числа, мы видим её как более или менее яркую или тусклую, но достаточно отчётливую точку. А теперь умножим её свечение, видимое нами, на бесконечность числа точек, куда она имеет каприз доставлять информацию о своём наличии. И скажем себе: ёб твою мать! Как же она должна светить!! Чтобы быть доступной для обозрения из всех этих мест и со всех этих расстояний!!! Вот так и ты, читатель. Видишь меня соответственно тому, где находишься. Ярче, али едва. Но поскольку, чаще, ты меня и совсем не видишь, то именно этим-то я и отличаюсь от звезды. Не тем, что обеспечиваю пространство своим свечением недостаточно. Но тем, что слепому недостаточно любого свечения, независимо от расстояния, на котором он от него находится. Кроме того, что. Для того, чтоб. Видеть обычную звезду, достаточно пары

глаз. И вовсе не обязательно при этом, чтоб они были глазами разумного существа. Эту звезду ты видишь. Добро. Это то самое добро, которое я могу дать любому живому существу. Для чего не обязательно быть мной, чтоб его дать. И которое таково, что достаточно быть любым живым существом, чтоб его взять. Бросил грош нищему, да построил церковь. Нищий грош пропил, да церковь поджёг. Но как живому существу дать то, чего оно не может взять? Как ему дать понимание вещей? Спасительное и спасающее? Которое между словами. То есть, за, под, над, перед и - до бесконечности уже полной невозможности каких бы то ни было пространственных, коли нам удобно именно так это располагать, различений? И перестаёт быть чем-то отдельным от того, кто им теперь обладает? Вот это я хочу давать другому живому существу. Не кусок мяса. (После которого входят в рай.) Даже если это хуй. Если это **только** хуй. Вот этой возможности я лишён. Вот это я безуспешно пытаюсь здесь делать. Эту задачу решать. Которая не под силу богам. Но что меня заставляет? Жажда славы конечно. Что ещё. И, подумав именно так, все живые существа в лице одного из них в этот момент вдруг и сказали из того самого телевизора: «В данный момент от аммиака угрозы населению нет.» «Не хочу спойлерить сюжет, а даже если бы и захотела, то вряд ли смогла - слишком сложно уложить эту прихотливую выдумку в один лапидарный синопсис.» Как сказала ещё одна сахарная дура. Лапидарный синопсис! Даа. Кажному ли из незамысловатых людей дано додуматься до сего! А ты, ты, уважаемый читатель!, ты знаешь, как я тебя уважаю!, ты - смог бы ты уложить в лапидарный синопсис всё то и не то, что прочитал здесь, у меня? Полагаю, да. Полагаю, твой синопсис был бы весьма лапидарен. А именно, состоящ из 5 слов. Все говно, а я герой. Вот что бы ты подумал изложить в составе своего синопсиса. Потому что дурак! Несмотря на то, что твой синопсис верен. Однако для секса ведь ты по-прежнему пригоден несмотря ни на что. Как любая свинья или птица. И какая мне разница, что тебе по-прежнему невдомёк, кто тебя ебёт. Разве когда-то было иначе? Лишь единожды в жизни я испытывал захлёстывающее с головой ощущение полного и окончательного счастья, когда, в положении стоя, находясь под очень-таки сильной на тот момент анашой обнимал и целовал почти одного со мной роста, то есть, высокую, молодую, как я, а куда деваться, и не менее тоже красивую девушку, которая была первосортная блядь. И разве **она знала, кто** её будет сейчас ебать? Так и ты не знаешь. Но отныне я буду звать тебя лапидарный синопсис. «Ну и конечно же, Лукреция - это сладкий, красивый синнабон, который покупаешь на последние деньги.» Естественно! «Конечно же, они ведущие тредсеттеры феминистской прозы!» Само

собой! «И всё это цепляет отсутствием сюжета, написанного по канонам creative writing school.» Чтоб мне сдохнуть, не сходя с этого самого места, если это не так! Хочет или не хочет это вопрос другой. Вся штука в том: может ли, даже если бы захотел. Ещё хуже то, что он не знает, чего он хочет. Что он просто изначально не может относиться ко всему этому всерьёз. То есть, к себе самому. Поэтому он хочет пива или слетать в космос. С самого детства его запрягают не туда и, несмотря на то, что, при наличии заботливых родителей он вынужден, зачастую, напряжённо трудиться, и всё это активно выходит пердячим паром, неустанно демонстрируя его правильность и трудоспособность, живёт-то он на самом деле в режиме облегчённого существования, при котором все решения за него принимают мама папа государство, религия, наука, спорт, контркультура или тюрьма. При этом он конечно считает, что решения принимает он сам. Путая самостояние с переподчинением собственной воли или своеволием. Но он на самом деле никогда их не принимает и даже не приходит к рассмотрению первого и главного вопроса, а в свете его - краеугольного базового **собственного** решения. О судьбе мира как своей судьбе. Или о сдаче на откуп в безвременное и безраздельное пользование своей судьбы судьбе мира. И, следовательно, полном и окончательном безмыслии. Что мы и видим на примере этих восьми или десяти миллиардов. Средними вкраплениями. Впрочем им похуй на этих вкраплениях. Хоть одессу не люблю, говор дорог. Когда я выпимши - мне почему-то не пишется! Даже по рифме можешь судить! Многие в свои кривые мысли и домыслы, а чаще отсутствие и того и даже другого, а просто какие-то ластообразные имитации впускают ещё даже и подобные рифмы! Но это просто значит, что у людей уже и совсем никакой даже совести нет! Пишется конечно, да как правило всякая ерунда. Жажда деятельности есть, а мыслей как не бывало. Это рефрен Ерофеева, да. Более того, я уверен, что почти всех своих петушков он оформил будучи трезвым. А я пьян. Написал вполне возможно пьяным, а до ума довёл трезвым. Ну, в промежутке, я имею в виду. Всё лучшее мы делаем в промежутке. Вот когда хуй болтается между пиздой и жопой - в этот момент. А выбирает - известно чего. По несчастью или к счастью, Истина проста: Никогда не возвращайся в прежние места. Даже если пепелище Выглядит вполне, Не найти того, что ищем, Ни тебе, ни мне. Геннадий Шпаликов. Вот такие Геннадии шпаликовы и пишут всякую хуйню. Которую потом недоумки поднимают на щит. А ведь что он сказал? Если пепелище выглядит вполне. А как вполне может выглядеть пепелище! Значит, что? Значит, не мысли ради, а КРАСОТЫ!!! Для таких же недоумков, как сам. И что?

Что за блядские констатации? Ложиться умирать теперь что ли? Если ни тебе ни мне ничего не найти на этом сраном пепелище? Во первых надо ещё разобраться, что это за пепелище и отчего оно образовалось. Были два юных (подразумевается) человека, которые видели то, что хотели видеть, но каждый делал при этом то, что шло изнутри (но никто при этом не делал того, что нужно, то есть не думал о чём-то, что отвечает этому слову) - вне совместных ощущений - и вот закономерно в конце-концов возникло пепелище. Так зачем ебать вас всех в сраку по этому поводу грустить! Радоваться надо! Иллюзии развеялись и теперь вы на пути к лучшей, честной жизни! А вы топчетесь на пепелище. Зачем??? Потому что предел положон мыслям вашим. Но не моим. Надо долго жить, чтобы что-то понять. И при этом ещё надо быть тем, который изначально на это способен. Так что топчитесь на пепелище. А я дальше пошёл. Всегда я испытывал к этому имени некое раздражение. Знал я уже заранее подобных честных пацанов, пользующихся всеместной любовью. А по мне тогда уж лучше какой-нибудь свинг. Хотя и мерзость опять же. Да снова и почему ж? Да всё в силу того же! Я вот Михалкову всё могу простить за «свой среди чужих». А этого и не знаю, и знать не хочу. Пепелище. Ёб вашу мать! Как будто кто-то для вас его организовал. Как будто не вы сами его причина. Так и не хуй плакать. И вызывать к себе всемирное сострадание. Всё это ложь. Ложь ложь. Если расстались - была причина. И она осталась. Хотя это не та причина, по поводу которой я буду плакать. Я бы очень хотел, чтоб была именно та причина. Тогда может быть я бы и не плакать развязал. Ах. Легче сказать, чем сделать. Один раз помню было. Когда шёл за гробом отца. Но это не плакал опять же. Слёзы сами лились, я их не заказывал. Они лились, а я их, как мог, глотал. Потом какие-то добрые женщины какую-то таблетку дали. Да и по-моему даже две. Да да две их было. Но я не плакал. Я вообще считаю, что для мужчины плачь возможен лишь в одном случае. Когда он перестаёт быть мужчиной. Что тоже наверно неплохо. (И не столь однозначно, кстати сказать!) Но об этом я здесь не скажу. Хотя мне известны примеры некоторых вполне успешных бизнесменов, которые также вполне успешно плачут. Да только я им не верю. Потому что они были бы намного успешней, если давали бы в жопу по принуждению. Чё-то чем дальше - тем хуже. На шпаликова зачем-то напал. При чём тут шпаликов. Обычная хуйня - хороший парень. Которых навалом. У меня вон вместе со мной один такой на задней парте тоже сидел. Красивое как им кажется я вот допустим ничуть этого не нахожу примитивные грубые крупные недовылепленные какие-то черты лица. Шпаликов одним словом. И ноль мыслей ну это у нас по стандарту мы все здесь такие. Одни железобетонные

хуй оспоришь констатации. Гегели там что-то для себя пишут нам этого и на хуй не надо. Мы и о Пушкине-то в приличном крестьянском обществе лишний раз не станем пиздеть. Господи, почему так убог уровень нашего русского народа. Может быть это некое его целомудрие? Ни хуя не знать и не желать ни хуя знать? (I) Не желать ни хуя знать о том, что ни хуя не знаешь? (II) Так как вполне достаточно знать, что не надо вообще знать ни хуя! (III) Кроме того, откуда растёт картошка и как оформить машину в кредит. И лишь по пьянке порой склонять в сторону неких речей голову? Так это не отличительный признак. Она в любую в этот момент склоняется. Ну, разве что если к жопе подбираться начнёшь. Это - святое! Тут - последний оплот! Здесь уже всякий нешуточно встрепаётся. Может Пушкина я и не знаю, но и в жопу не дам! Сплошное разочарование. Нет, в самом деле, я думал вот пидарасы! Целый мир! Наверно что-то там есть! А там и нет ни хуя. Им бы лишь бы на хуй залезть да его пососать. А о душе так со мной никто поговорить и не удосужился. Я всегда удивлялся этой особенности пидарасов. Она у них точно такая же, как и у всех обычных людей. Которые о душе точно так же не имеют никакого понятия. Типа: ну мы же в жопу-то не даём - и ладно! То есть как бы главное условие выполнено. А чё вы не даёте-то? Лучше б тогда уж давали. Хоть какой-то бы прок тогда от вас был. Это я к обычным, законным гражданам обращаю. Возможно, из вас бы получились лучшие пидарасы, чем те, которые есть. Потому что никакой другой радости от вас ведь всё равно не дождёшься. Книга «Бог и мозг: Научное объяснение Бога, религиозности и духовности», Мэтью Альпер. «Позитивная эмоциональная сторона человеческого состояния характеризуется моментами эйфории, всепоглощающей любви, и иллюзии слияния с миром, и вот человеческая вера в духовный мир, Богов, загробное существование, бессмертие и тому подобное - это не более чем генетически наследуемая черта, нейрофизиологические области, участки в мозге, неотъемлемая часть человеческой природы, когнитивная функция, эволюционная адаптация, которая искажает реальность для того чтобы наш вид выжил, веря в эти сказочные понятия, и таким образом отрицая действительность. Осознание неизбежной смерти отнимает у человечества способность эффективно выживать, вкупе с нашей способностью предвидения и планирования будущего, в сочетании с функцией тревоги.» В общем (заметьте, даже не «вообщем») суть книжонки (в сём эксцерпте) передана верно. И, возможно, как она передана, так она и есть. Лишь остаётся вопрос: А способность человека мыслить, это тоже «не более чем генетически наследуемая черта, нейрофизиологические области, участки в мозге, неотъемлемая часть человеческой

натуры, когнитивная функция, эволюционная адаптация, которая искажает реальность для того чтобы...»? Или эта способность, быть может, есть нечто донельзя скромное из самой центральной сути реальности? И не унаследована? А выработана, т.е., вытребована? Или, что то же самое, унаследована по другой линии? То есть, не биологически? И именно поэтому столь малое число людей мыслят? Так как хорошего не может быть много? Ведь если атеист ещё хотя бы имеет представление о ему не присущих представлениях о боге, то не мыслящий человек представлений о ему не присущем мышлению вообще не имеет! А если бы имел, то понял бы, что помимо способности объяснять манную кашу с малиновым вареньем благоволением божьим (что генетически запрограммировано), есть ещё и полная неспособность объяснять сущее с помощью человеческого разума... А, стало быть, в свете сего неизбежно предположение о существовании какого-то бесконечно большего и качественно иного разума (посредством которого, очевидно, и был проявлен (выработан, т.е., вытребован) весь этот мир (вместе с человеком, с генетически присущими ему приятными заблуждениями)... Либо всё игра дьявола. Разумение которого, тем не менее, тоже, очевидным образом, превышает человеческое. В любом случае, речь не о боге или дьяволе, а о разумении. Человеческом и бесконечно оно больше. Качественно ином. Ибо пока человек не дошёл до соображения, что всё есть, а объяснить этот факт с помощью собственных потуг у него возможности нет, он может, конечно, рассуждать о чём угодно, в том числе и о включённой в башку каждого способности утешаться фантастической чепухой, необходимой для выживания, но то, что всё это происходит, то ведь происходит-то оно в чём-то, где-то, а вот это что-то, где-то, во всём его чудовищно невозможном воплощении, как объяснить? А объяснить иначе никак нельзя, как только предположив существование причины для всего того, что человеку объяснить нельзя. У всего есть отец. И у сущего есть отец. И не важно какой. А важно, что есть. И вот это по настоящему важно, а всё остальное, вкуче со всякими подобными книжонками, сушая дребедень. В восемьдесят-то, наверное, уже будет поздно, но вот если б он вынырнул до 70-ти! Настоящий друг! Что в мире может быть лучше! Человек мягкий, изящный, глубокий и злой! Такой же, как я. Исходящий во всех своих движениях из соображений добра. Который, когда надо будет человеку отрезать ногу без наркоза, отрежет её. А когда будет надо с той же целью отрезать голову, отрежет и голову. Чтобы спасти хозяев ног и голов естественно, для чего ещё, не для того же, чтоб погубить. А без наркоза - потому что не всегда же есть наркоз (а спасать-то надо!), ну и потому

ещё, что почти никогда здесь наркоз и не нужен. Это ж не какие-то там буквальные телесные ампутации. Это удаление всякого сросшегося с человеком намертво говна, которое он считает при этом ещё лучшей частью себя, но отнюдь не тем, что ему должно быть значительно инородно. Всякие вот эти утехи по приобретению жизненных благ и ускорению пульса и разгорячению щёк в связи с сём. А не в связи с мыслию, что ты сын неведомого нечто, но ты сын, ты не безроден, а стало быть имеешь право рассчитывать на наследство. Так как он вообще не понимает, о чём идёт речь. Поэтому, если с наркозом, так ни черта ж и не поймёт. Потому что ничего не почувствует. А надо, чтоб почувствовал. Понимание приходит только через чувство. Кто такой настоящий друг? Это не мудака. Так где ж его взять! Не выращивать же его как цветок на подоконнике. Он уже сам по себе должен быть. Наверное есть где-то. Сидит, как и я, на кладбище, пьёт водку. Да только без меня. Александр Великий, который из безмерного восхищения искусством художника, царственно снизойдя к его страданиям из-за любви к (любимой, быть может, не менее и собою самим) прекрасной женщине, подарил её Апеллесу, и Пётр Великий, который, предварительно вдоволь его измучив, посадил на кол майора Глебова, любящего его бывшую и ему самому никогда не нужную жену. Которую и заставил при этом смотреть на все отвратительные мучения ею любимого мужчины. Оба Великих. Рассмотрение каковых перпендикулярей лишь в очередной раз приводит мне на память гениальнейшее и бесспорнейшее из моих наблюдений: пидарас не тот, кто даёт в жопу, а тот, кто поступает как пидарас. И вот этих последних намного больше. С Александрями, увы, как тогда, так и сейчас, недобор. Особенно, конечно, сейчас. Когда честны одни импрезы и девизы. Вне попыток соображений об их чему-либо соответствии. То есть, я сторонник традиционных взглядов на всю эту хуйню. Что это, то есть, именно она. Хуйня. Маленькая девочка с хриплым голосом и разболтанными манерами уже вполне состоявшейся в недалёком будущем бляди. И мама рядом. Вполне состоявшаяся. И в жизни, и в смерти, деревья, преимущественно, благоухают. В отличие от так называемых сами знаете кого. Мне приснилось, что я ебал молодую тигрицу. Причём, лицом к лицу. И меня более всего удивляла её деликатность. Поскольку, несмотря на очевидным образом ею испытываемое удовольствие, она покусывала меня аккуратно. Я пришёл домой и с не меньшим удовольствием выебал... Ну, кто там обычно у нас сидит дома. Видимо, домового. Подумав при этом: да, действительно, хорошие женщины все похожи. Даже если тигрицы ластятся, а царапаются значительно более слабые лисицы. «Когда грех совершает человек возвышенной души, он возносит

этот грех так высоко, что почти преображает его природу. Когда, напротив, человек заурядный творит добро, он умаляет, принижает, опошляет его до такой степени, что от него остается лишь видимость.» Всё хорошо в этом высказывании Жуандо. Кроме того, что человек возвышенной души не совершает (потому, что он его не может хотеть) греха. А сказать так, как это сделал данный писатель, имея в виду именно то, что он имел в виду, это почти то же самое, что винить действие, то есть, допустим (если постараться держаться ближе к подразумеваемым обстоятельствам), пенетрацию, вне зависимости от определяющих её обстоятельств: то есть, когда, как, и почему в одном случае это не только можно, но и должно, а в другом - нет. Само действие не может подлежать моральной оценке, так как оно нейтрально по отношению к любым системам координат. А как и когда, должно или нет - в этом плане человек возвышенной души против неё не погрешит: это означало бы утратить всё: перестать быть собой, то есть, перестать быть. Тут приходит на память песня о том, что самоубийство тела ничто рядом с самоубийством души. И о том, что её поют сто пятьдесят тысяч лет. Все кому не лень. Вместо того, чтоб однажды поставить её текст в предельный контекст. Который бы гласил. Что одно и то же действие даже с учётом обстоятельств можно или нет, как, когда и куда, но без учёта того, кто именно производит подобный учёт - вычёркивает напрочь осмысленность, а вместе с ней и целесообразность, а вместе с тем и добротворность данного действия. Потому, в последнем пределе, что у червя и бога разный учёт. И мы возвращаемся к главному вопросу: что есть грех? И мы отвечаем на него: грех есть безмыслие совершающего любое действие. Особенно же то, в которое, через достаточное для его совершения волевое усилие инициатора, вовлечён некто, участие которого в этом действии и делает его тем, без чего оно не может быть тем, что оно есть. То есть, в случае безмыслия инициатора - страданием для одного, и «удовольствием» для другого. Грех, в данном случае, односторонен. То есть, он - лишь для одной из сторон. Счастье же многосторонне. Если и когда мы имеем в виду какие-либо отношения в них участвующих существ. Но посмотри на совсем одинокого человека, который понимает, что то, что делает он - не сделает никто и потому он должен делать (то есть, уже сделал, как считает Аристотель. И здесь уже Аристотель. Всерьёз.) это, - разве он одинок? И почему же в таком случае ему, неотвратимо ведающему, что есть благо, не трахнуть порою в жопу того-другого из негусто окружающих его хороших людей, даже если среди них и затешется порою некто, ещё даже и не знающий, насколько он хорош? Да нипочему! Ведь разве это грех? В то время, когда

грех - как раз этого не сделать! Как, этого однажды не сделав, это и сделал некий долбоёб. Чем полностью аннулировал все результаты своей хвалёной майевтики и пропедевтики. Чему ты можешь научить прекрасного юношу, который безрезультатно открывает навстречу тебе свой изящный трепещущий анус, если ты даже не хочешь или не можешь в него войти? Да ничему! Чему может научить тот, кто не понимает в чём цвет, смысл и последнее усилие счастья? Что не за земными лишь пределами бесконечность блаженств? А здесь? И дальше лишь её продолжение? О каком «грехе», который необходимо «преобразать» и «облагораживать» вообще идёт речь? Нет, Жуандо всё-таки дурак. Хотя, конечно, и не настолько, насколько Сократ. Который, кстати, и сам признавался, что ничего не знает. Но дело-то в том, что надо хоть что-то знать! А не только лишь то, что ты ничего не знаешь! Потому что, по совместительству, именно это-то что-то и оказывается всегда главным! Каковое - нащупать корни неземной радости уже здесь, на Земле. И иметь смелость познать её. А потом - в ней не сомневаться. Чтобы иметь возможность сказать, что ты знаешь не просто то, что ты ничего не знаешь, и не то, что ты знаешь хоть что-то сверх того, но чтобы сказать, что ты знаешь главное. А именно, что ты знаешь то, что душа испытывает в Раю. И какими, стало быть, парадоксами обеспечил нас Всевышний Господь на пути к его Раю и отчасти, тем самым, к себе самому. Ведь конечно, ну как же! Как же можно познать райское блаженство через столь непрезентабельную вещь, как анальное отверстие! Даже если его несомненный хозяин и разбездумно юн и красив. Фу! Гадость какая! И сколько народу-то за то сожгли на кострах добрые христиане! (Не потому ль, что на это имели право лишь их смотрящие?) Хоть и не сильно больше канешна. Чем которых канкретныи пацаны по зонам в порошок истолкли. (На что, надо знать, опять же, имели право лишь канкретных пацанов пастыри!) А не в обоих случаях сраные добротворы. В чём и парадокс. Но что поделать, если по степени изящества и гармонического благородства с попой сколько-нибудь...летнего мальчика ничто и никогда не сравнится! В общем -летнего мальчика! В этом наилучшем из невозможных миров! Который лишь потому и таков, что в нём возможно - кроме (по любимому слову академика Лосева), так сказать, «любования» - (мною и даже значительно более в целом мире ценимое вот это вот самое - из всех вульгарных и пошлых - самое пошлое и вульгарное, и опять же, и всего лишь - лишь по любимому мнению того же самого, не умеющего завязать себе шнурков..., а уж чтоб!.. нет, он очень был от этого далёк, ведь при всех своих колоссальных познаниях он был удивительно недалёк)... - обладание! Потому что из него всегда

что-то рождается! Не люди, так чувства, не чувства, так идеи! Не идеи, так интрига! Не интрига, так спасенье души! В то время как из любования рождается лишь онанизм. Как и потому ещё, что не будет в этом наилучшем из превозможных миров никогда и ничего даже и близко сопоставимого по степени с подобным блаженством! Что даже если порой какого-нибудь потного мужика в его толстую сраку прёшь - и то над всем этим витает его волшебная тень! А мужик, то что ж. Он ведь не всегда виноват, что толстый и потный. Может у него там с сердцем что-то. А человек, допустим, хороший. И в нём, в этом хорошем человеке, невидимо, но вполне, и обретается тот самый мальчик! Сотри случайные черты. Как говорится. Что ж он, кусочек обломившегося ему случайно счастья что ли не заслужил? И какой должен быть безжалостный и циничный подлец, который ему в этом его счастье вдруг возьмёт, и откажет. Встречаются ещё среди нас такие, что скрывать. Много ещё надо над этим в обществе работать. Нет в нём понимания глубокой и равной естественности разнообразных, не связанных с насилием, отношений. Не понимают ёбанные пидарасы ни хуя. Ну хочет человек жрать говно - пускай будет счастлив. Я вполне нормально буду с ним общаться, если у него изо рта говном не будет вонять. А ведь много есть таких, которые и не будут! Хочет ишака ебать - пусть ебёт. Мало ли что лично мне не близко. Лишь только не делай никому больно. В числе какового на первых строках презрение и ненависть к тому, кто устроен иначе. Однако, ведь только физические проявления функционирования данных устройств доступны для нашего обозрения. И мы не можем понять, почему некоторые испытывают восторг от того, от чего других тошнит. Но должны ли мы презирать, а не уважать их - за эту их особенность, эту способность? Которая однозначно нам намекает на бесконечное разнообразие мира и таящихся в нём возможностей. В числе коих бессмертие и вечное блаженство ни в чём не виноватой души. А особенности... Это же ведь то же, что вещества. Они нейтральны по отношению к морали. В мире элементов нет эквивалентов. Говорят химики. Но все эти элементы одинаковы с другой, высшей точки зрения. Все они - вещества. И это же касается и существ. За исключением некоторых. А у веществ - некоторых - нет. Вот в чём между ними разница. У веществ нет выбора, но они и не страдают, а у существ выбор есть, да они им пренебрегают. А ебаться - это пусть и те и другие делают как хотят. Правда правшей: сердце располагается у человека слева, чтоб его удобней было убивать. Не подло, со спины, а глядя прямо в его похабную морду. Хитромудрую, как сказал один мой, лишь слегка искушённый в хитростях, и совсем никак в мудростях, друг. Неужели и я, в свою очередь, сказал всё, что

хотел, что мог?.. В принципе, наверное, да. По крайней мере, по этой суставной кости можно при желании воссоздать динозавра. Или по приведённой здесь части информации голограмму. Или наоборот. Неважно. В общем, что-то такое. Так зачем дальше писать. Этот цикл завершён. Зачем вымучивать из себя. Если я чего-то в полноте и не досказал, так разве одно. Идите на хуй. Дорогие люди. И по-прежнему будьте бдительно-отвратительны. Я бы так бы хотел бы всех вас поубаюкивать в колыбели. Да колыбели ваши все задубели. К слову сказать. И это несмотря на то, что бог по-прежнему есть любовь. Да на вас ведь никакой любви не хватит. Любимым занятием покойного было ковырять в носу. Господь, несомненно, упокоит его на лоне своём. Вот что читаю я на надгробных камнях кладбищ. И ещё он построил дом. И тут я слышу песню вороны, сидящей в гнезде над головою моей. Потому что она тоже построила дом. И в порядке последнего расшаркивания. Хотя и с неприятно для меня самого отчётливой артикуляцией. Да куда ж деваться. Надо идейную базу подтащить. Без этого, говорят, никуда. Я буду лучше страстно-заблуждающимся, чем келейно-правым. Особенно учитывая насколько в моей неправоте меня утешает то, что её келейная противоположность невозможней практически любых внекейных заблуждений. За исключением случаев глупости и безумия. То есть, Гитлера и Чикатило мы из рассмотрения исключаем. А также 99% добрых жителей Земли. Относящихся к первой категории. И остаются нам лишь смиренные сердцем. Они - не глупы, не безумны. Они - скромны и не судят. О том, что выше их понимания. Это и есть, по сути, высшая, доступная человеку, мудрость. И потому и я себя не сужу.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>